

ПЕРЕЖИВШИЕ АД:

Свидетельства жертв о
местах незаконного
лишения свободы
на Донбассе

ПЕРЕЖИВШИЕ АД:

*свидетельства жертв
о местах незаконного
лишения свободы
на Донбассе*

Киев

2015

Это издание выходит в рамках проекта «Мониторинг соблюдения прав человека на оккупированных территориях Украины (Крым, Луганская и Донецкая области)», который реализует Коалиция общественных организаций и инициатив «Справедливость ради мира на Донбассе» совместно с офисом Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека при содействии Хельсинского Фонда по правам человека (Варшава).

Этот проект софинансирован в рамках программы польского сотрудничества для развития Министерства иностранных дел Республики Польша
Программа „Поддержка демократии“

Содержание

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	4
I. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	5-6
II. РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙ В ХОДЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА НА ДОНБАССЕ	7- 11
III. МЕСТА НЕСВОБОДЫ В ЗОНЕ АТО	12-15
IV. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ПРОЦЕСС ЗАДЕРЖАНИЯ	16-18
V. «ПЕРСОНАЛ» МЕСТ НЕСВОБОДЫ	19-23
VI. УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ	24-28
VII. ПЫТКИ И ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ	29-36
ВЫВОДЫ	37

Вступительное слово

События в Донецкой и Луганской областях, вызванные агрессией со стороны Российской Федерации, стали причиной отсутствия безопасности всех, кто пребывает на территории, неподконтрольной Украине. Там не действует никакое право, там нет законов, как и законных органов управления, фактический контроль за ситуацией осуществляется со стороны вооруженных группировок, которые руководствуются собственными соображениями и понятиями относительно соблюдения порядка и законности. De facto и de jure это зона «серого права», где сила права не действует, а действует исключительно право силы. Отсутствие права порождает безнаказанность и произвол со стороны тех, кто пытается силой контролировать захваченные украинские территории в Донецкой и Луганской областях. Собственно, это является причиной грубых нарушений, связанных с незаконным лишением свободы лиц на территории Луганской и Донецкой областей, что и стало объектом исследования данного доклада.

Свидетельства жертв, которые были различными способами захвачены и помещены в места несвободы, указывают на откровенное пренебрежение основными условиями обращения с лицами, лишенными свободы, что уже само по себе приравнивает содержание в таких условиях к пыткам или жестокому обращению. Отсутствие медицинской помощи, элементарных санитарных условий, воды и питания, контакта с родными и близкими – обо всем этом рассказывают очевидцы, прошедшие ад плена. Собранный в докладе материал представляет масштабность и серьезность нарушений прав лиц, незаконно помещенных в места несвободы на неподконтрольной Украине территории.

При проведении исследования опрашивались лица, которых сепаратисты незаконно лишили свободы, однако не секрет, и этому есть подтверждения, что подобная практика незаконного лишения свободы применялась и проукраинскими силами, в частности, представителями добровольческих батальонов. В обоих случаях имеет место грубое нарушение прав человека, однако эти две ситуации, в то же время, существенно разнятся, в частности, масштабом проблемы. Пророссийские вооруженные незаконные формирования совершали и продолжают совершать свои преступления,

лишая незаконным образом свободы, безо всякого наказания. Расследования таких преступлений не производится и нет даже никаких перспектив расследования. Жертвы не имеют никакой возможности обжаловать такие преступные действия. Соответственно, безнаказанность порождает расширение масштабов, и подобная практика незаконных произвольных удержаний становится неотъемлемой характеристикой неподконтрольных Украине территорий. Команда проекта, которая состоит из представителей правозащитных организаций - членов Коалиции «Справедливость ради мира на Донбассе», считает своей первоочередной задачей собрать и представить информацию о нарушениях, которые не имеют перспективы быть расследованными в современных условиях при отсутствии правовых механизмов защиты прав на территориях, которые временно неподконтрольны или были неподконтрольны Украине.

В то же время, каждый случай нарушения права на свободу и личную неприкосновенность представителями добровольческих батальонов Украины, о котором становится известно правоохранительным органам Украины, расследуются ими, при этом виновные преследуются согласно статьи 146 Уголовного кодекса Украины. Ситуация также мониторится правозащитными организациями, Офисом Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека. Пострадавшие в ходе такого преступления лица имеют возможность обращаться в правоохранительные и судебные органы, требовать надлежащего расследования и наказания виновных в совершении таких преступлений. Сегодня осуществляются расследования и судебные процессы в отношении бойцов добровольческих батальонов «Айдар» и «Торнадо», которые обвиняются, в том числе, в незаконном лишении отдельных лиц свободы.

Команда проекта ставит исследование фактов незаконного лишения свободы лиц на неподконтрольной Украине территории следующей целью, вполне осознавая наличие таких рисков, как отсутствие доступной базы респондентов, отсутствие официальных источников информации и противоречивость правовых позиций при оценке действий представителей государства.

I. Методология исследования

Целью данного исследования является документирование фактов нарушений прав человека, связанных с незаконным лишением свободы в зоне вооруженного конфликта на востоке Украины, с целью их дальнейшего расследования в национальных инстанциях, а также в институтах международной юрисдикции.

В соответствии с этим, задачами исследования были определены:

- характеристика мест несвободы в зоне антитеррористической операции (далее в тексте – АТО), оценка реального масштаба случаев содержания людей в неофициальных местах несвободы;
- установление обстоятельств попадания и освобождения из мест несвободы различных категорий задержанных;
- анализ условий пребывания и обращения в местах несвободы;
- формирование пакета рекомендаций международным и национальным субъектам по контролю за местами несвободы в зоне АТО, предоставление социальной и юридической помощи жертвам жестокого обращения.

Методами исследования стали сравнительный анализ правовых источников, контент-анализ интернет-ресурсов, а также интервьюирование лиц, находившихся в местах несвободы в качестве незаконно задержанных или военнопленных.

В качестве основного инструментария использовался опросник, разработанный с учетом опыта международной организации Witness (США), Норвежского Хельсинкского комитета, Центра документирования Н. Эстемировой (Норвегия), Центра Гражданских Свобод (Украина), центра «Documenta» (Center for Dealing with the Past, Хорватия).

Дополнительно были разработаны следующие сопроводительные документы:

- гарантийное письмо о защите сообщенной информации;

- бланк заявления респондента о согласии на обработку его персональных данных с целью документирования фактов нарушений прав человека в зоне военного конфликта и уведомления международных организаций о таких фактах нарушений прав человека.

Источниками информации послужили также специфические кластеры интернет-ресурсов, статистика и официальные данные органов власти, отчеты международных миссий и организаций, персональные архивы. Были использованы базы данных волонтерских организаций, оказывающих помощь в зоне АТО, информационные ресурсы Офиса омбудсмена и групп переговорщиков по обмену пленными.

УЧАСТНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ КВАЛИФИКАЦИЯ

Разработка методологии и инструментария исследования, а также обобщение результатов осуществляла группа из пяти профессиональных аналитиков в этой сфере. За качество обработки анкет и внесения их в базу данных отвечали два специалиста Коалиции общественных организаций по документированию нарушений в ходе военного конфликта «Справедливость ради мира на Донбассе», имеющих необходимый опыт работы с информационными системами. Отобранные интервьюеры прошли тренинг по методикам фиксации показаний потерпевших, установления психологического контакта и основ информационной безопасности.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Работа интервьюеров позволила опросить 100 респондентов путем проведения полужурнализованного интервью, результаты которого были обработаны группой экспертов-аналитиков и внесены в информационную платформу Memex Patriarch, которая используется украинскими НПО для формирования базы данных престу-

плений, совершаемых в ходе вооруженного конфликта на Донбассе. Количественные результаты были дополнены результатами контент-анализа СМИ и интернет-ресурсов.

Полученные результаты отображают общую специфику и проблемы пребывания незаконно задержанных лиц в местах несвободы в зоне АТО. В тексте отчета приведены наиболее характерные качественные данные в

виде цитат, что позволяет более четко проиллюстрировать результаты количественного анализа.

Последующий анализ позволил сделать качественно-содержательные обобщения и сформировать пакет рекомендаций международным и национальным субъектам, которые в дальнейшем будут заниматься вопросами помощи жертвам жестокого обращения в местах несвободы в зоне АТО.

II. Развитие событий в ходе вооруженного конфликта на Донбассе

События, начавшиеся в 2014 году в Луганской и Донецкой областях, являются следствием последовательных спланированных действий со стороны Российской Федерации, которая с помощью армии осуществила оккупацию Крыма и спровоцировала вооруженный конфликт - фактически войну - в двух восточных областях Украины со значительным количеством жертв, большинство из которых составляет мирное гражданское население, вынужденным переселением более миллиона человек, беженцами, лишенными свободы лицами.

1 марта 2014 года Владимир Путин вносит в Совет Федерации России обращение об использовании вооруженных сил Российской Федерации на территории Украины, и в этот же день Совет Федерации принимает постановление «Об использовании вооруженных сил на территории Украины», что фактически является публичным оглашением намерения агрессора начать военные действия на территории Украины и представляет собой международное преступление против безопасности человечества.

Со стороны территории Российской Федерации и с ее активной военной поддержкой на территорию двух восточных областей Украины вторглись незаконные вооруженные формирования. Местной базой для них выступили парамилитарные банды, так называемые «титушки», объединения донских казаков и кое-где – воинов-интернационалистов, которых предыдущий авторитарный режим использовал для подавления мирного протеста Евромайдана. Пользуясь содействием местных властей и попустительством правоохранительных органов, эти парамилитарные отряды при поддержке местных правоохранителей жестоко разгоняли митинги за единство Украины, избивали участников мирных акций, независимо от возраста и пола, использовали дубинки и арматуру, бросали шумовые гранаты, дымовые шашки, использовали также слезоточивый газ и холодное оружие. В результате одного из таких нападений во время

проведения мирной акции в Донецке 13 марта 2014 года был убит 22-летний студент Дмитрий Чернявский, который скончался от полученных ножевых ранений. Уже в то время кроме «георгиевских ленточек» - основной символики искусственно организованных властью митингов «Антимайдана» - такие формирования имели также флаги Российской Федерации.

Незаконные вооруженные формирования с оружием в руках начали захватывать институты государственной власти Украины - местные администрации, отделы или управления органов внутренних дел, Службы безопасности Украины, военкоматы, военные части, другие органы государственного управления - так, как перед этим это было сделано в Крыму в феврале-марте 2014 года. Такие захваты начали происходить в Донецкой, Луганской и Харьковской областях, начиная с 6 апреля 2014 года. Точно так же, как перед этим происходило в Крыму, российская пропаганда отрицала какое-либо военное вмешательство в восточных областях Украины (в частности, отрицалась появление тысяч вооруженных «зеленых человечков» - фактически, военнослужащих РФ - в Крыму), маскируя собственных военнослужащих под «ополченцев», «шахтеров» и «трактористов». При этом сопротивление преступникам было давать сложно из-за фактической деморализации правоохранительных органов на местах, из-за чего среди сотрудников этих органов оказалась большое количество предателей, которые фактически перешли на службу к врагу. Отсутствие надлежащих военных и правоохранительных структур, инспирированные пропагандистские кампании и военное вторжение в Крым стали причиной того, что с апреля 2014 началось активное российское вторжение на территорию Донбасса и разворачивание современного конфликта.

С конца февраля и начала марта 2014 года в городах востока Украины начались спланированные российскими спецслужбами акции по подстрекательству

местного населения к осуществлению нападений на государственные объекты, а также их захват. Сепаратистские настроения в восточных и южных областях Украины также в значительной степени вызваны влиянием российской пропаганды. С легкой руки российских СМИ часть населения стала воспринимать новую украинскую власть как «нелегитимную и неонацистскую». Страх перед «фашистами и бандеровцами», которые будут «вырезать русскоязычное население», породил волну инспирированного жестокого насилия в ответ на любые проявления украинского патриотизма на востоке Украины.

С этого времени берет начало череда преступлений, связанных с незаконным лишением свободы представителями незаконных вооруженных формирований, при этом были захвачены и лишены свободы различные категории граждан Украины - военные, правоохранители, гражданские лица. Применения пыток, убийств, что характерно для обычной бандитской среды, также является характерной чертой деятельности незаконных вооруженных формирований на востоке Украины

Первой фазой конфликта стал захват и установка контроля пророссийскими незаконными вооруженными формированиями города Славянск Донецкой области и провозглашение курса на создание так называемых «суверенных и независимых Донецкой и Луганской народных республик». По сути, с тех пор на территории Донецкой и Луганской областей идет вооруженное противостояние между Вооруженными Силами Украины совместно с другими военными формированиями Украины, с одной стороны, и незаконными вооруженными формированиями так называемых «Донецкой народной республики» и «Луганской народной республики» - с другой. Помощь этим формированиям активно оказывает Российская Федерация, при этом такая помощь включает как финансирование, поставку вооружения и топливных материалов, так и непосредственное замаскированное участие российских военнослужащих и целых подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации в этом конфликте.

Понятно, что такие события должны получить надлежащую оценку со стороны международного права. В частности, ключевую роль в правовом анализе ситуации в Донецкой и Луганской областях играет международное гуманитарное право (право вооруженных конфликтов или законы и обычаи войны) как часть международного права, которая квалифицирует ситуации вооруженных конфликтов, регулирует вопросы защиты жертв войны, а также применение средств и методов ведения войны. По мнению Международного Суда ООН, которое было сформулировано в Консультативном заключении о законности применения или угрозы применения ядерного оружия в 1996 году, международное гуманитарное право является *lex specialis* (специальным правовым режимом) по отношению к международному праву прав человека, ведь оно спо-

собно более эффективно защищать права человека во время вооруженных конфликтов.

Международное гуманитарное право (или право вооруженных конфликтов) применяется в ситуациях международного вооруженного конфликта (вооруженного конфликта международного характера) и немеждународного вооруженного конфликта (вооруженного конфликта немеждународного характера). При этом договорное международное гуманитарное право не содержит определения вооруженного конфликта, а международные судебные органы применяют определение вооруженного конфликта, предоставленное Международным уголовным трибуналом для бывшей Югославии по делу Душко Тадича. Этот суд определил, что вооруженный конфликт существует тогда, когда существует применение вооруженной силы между государствами и когда существует длительное применение вооруженной силы между государством и организованной вооруженной группой или между организованными вооруженными группами. Таким образом, в соответствии с определением вооруженного конфликта по делу Тадича, международный вооруженный конфликт существует, когда имеет место любое применение вооруженной силы между государствами, а немеждународный вооруженный конфликт - когда имеет место длительное применение вооруженной силы между государством и организованной вооруженной группой или между организованными вооруженными группами.

К международным и немеждународным вооруженным конфликтам применяется разный объем норм международного гуманитарного права. К международным вооруженным конфликтам применяются: четыре Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 года; Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 8 июня 1977 года; «Гаагское право» в полном объеме; обычные нормы международного гуманитарного права.

К немеждународным вооруженным конфликтам применяются: статья 3, общая для четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 года; Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям от 8 июня 1977 года; отдельные положения «Гаагского права»; обычные нормы международного гуманитарного права.

Можно говорить о двух отдельных правовых режимах вооруженного конфликта на Донбассе: немеждународный вооруженный конфликт между Вооруженными Силами Украины и другими военными формированиями Украины, с одной стороны, и организованными антиправительственными вооруженными формированиями так называемых «Донецкой народной республики» и «Луганской народной республики» (далее в тексте - «ДНР/ЛНР»), с другой, и международный вооруженный конфликт между Вооруженными Силами Украины и другими военными формированиями Украины, с одной стороны, и отдельными подразделениями Вооруженных Сил Российской Федерации, с другой.

Таким образом, относительно друг-друга и в отношении гражданского населения Вооруженные Силы Украины, другие военные формирования Украины и участники антиправительственных вооруженных формирований так называемых «Донецкой народной республики» и «Луганской народной республики» должны применять положения статьи 3, общей для всех четырех Женевских конвенций о защите жертв войны от 12 августа 1949 года и Дополнительного протокола II.

Относительно друг-друга и при защите гражданского населения Вооруженные Силы Украины, другие военные формирования Украины и военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации должны применять положения всех четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 и Дополнительного протокола I. При этом международное гуманитарное право не признает принципа взаимности в вопросе нарушений его положений одной из сторон вооруженного конфликта. Это означает, что нарушения международного гуманитарного права одной из сторон конфликта не должно и не может предполагать соответствующее нарушение международного гуманитарного права другой стороной конфликта.

Практические последствия такой квалификации вооруженного конфликта следующие: у боевиков так называемых «ДНР/ЛНР» и регулярных войск Российской Федерации юридически разный объем прав по международному гуманитарному праву, хотя основные принципы, а также обязанности - неизменны. Соответственно, у военнослужащих Российской Федерации и боевиков так называемых «ДНР/ЛНР» должен быть разный правовой статус и объем прав и гарантий при их задержании Вооруженными Силами Украины. Точно так же и у украинских военнослужащих по международному гуманитарному праву должен быть различный правовой статус и набор прав и гарантий при их задержании регулярными войсками Российской Федерации и боевиками так называемых «ДНР/ЛНР», соответственно. По обязательствам сторон вооруженного конфликта при задержании гражданских лиц, то они одинаковы для всех видов вооруженных конфликтов.

7 апреля 2014 состоялись попытки захватов админзданий в Харькове, Донецке и Луганске.

С целью сорвать повторение «крымского» сценария оккупации 14 апреля 2014 Указом и.о. Президента Украины было объявлено начало Антитеррористической операции, чем фактически было признано наличие пророссийских незаконных вооруженных формирований и были начаты военные действия для прекращения их преступной деятельности.

В апреле 2014 года незаконными вооруженными формированиями был захвачен ряд населенных пунктов на территории Луганской и Донецкой областей, в частности, 12 апреля был захвачен Славянск. 13-14

апреля происходят захваты Артемовска, Краматорска, Красного Лимана и Дружковки, Енакиево, Макеевки, Мариуполя, Горловки, Харцызска, Ждановки и Кировского. Позже состоялись захваты Новоазовска, Северского, Комсомольского и Старобешево, 6 мая - Дебальцево.

Этот период характеризуется репрессиями против гражданского населения, когда вооруженные преступники самовольно отбирали собственность, преследовали сторонников единства страны, грабили и уничтожали имущество тех, кто уехал с захваченной территории. Создается организованная система похищения и пыток гражданских лиц, новых оборотов набирает практика формирования так называемых «ликвидационных списков». Таким образом, пророссийские незаконные вооруженные формирования сразу сделали ставку на использование террора в качестве метода ведения войны для подавления сопротивления и удержания контроля над регионом.

В июне-июле 2014 года украинские войска осуществляют зачистки захваченных территорий от незаконных вооруженных формирований и освобождают ряд территорий, в том числе города Мариуполь и Славянск, Красный Лиман. В июле были также освобождены Рубежное, Дзержинское, Соледар, Северодонецк, Лисичанск, Кировск, Попасная.

Фактически речь идет о полномасштабных военных действиях, в ходе которых уже имеют место серьезные человеческие потери, в то же время происходят захваты лиц каждой из сторон. Незаконные вооруженные формирования обращаются с захваченными украинскими военными, правоохранителями или просто гражданскими лицами чрезвычайно жестоко, известны случаи отрезанных ушей, отрубленных конечностей, выколотых глаз, распоротых животов.

С 1 июля 2014 года начинается масштабное освобождение территорий, захваченных незаконными вооруженными формированиями. В ходе военной операции Вооруженных сил Украины были освобождены Краматорск, Дружковка, Константиновка, окончательно освобождены Артемовский, Мариинский, Славянский районы Донецкой области.

В середине августа количество участников незаконных вооруженных формирований, воюющих против Украины в зоне АТО, значительно увеличивается, они прибывают с территории РФ вместе с дополнительным оружием и боеприпасами, чем доказывают, что именно Россия является инициатором и вдохновителем массовых нарушений прав человека и военных преступлений в Луганской и Донецкой области.

10 августа начались бои за Иловайск, которые привели к открытому окружению значительного количества военнослужащих Вооруженных сил Украины регулярными

Карта расположения вооруженных незаконных формирований в зоне АТО¹.

частями Вооруженных сил РФ. Несмотря на достигнутые договоренности, колонны украинской военной техники и военнослужащих, которые выходили из окружения по «зеленому коридору», были расстреляны представителями Вооруженных сил РФ, о чем существуют многочисленные свидетельства очевидцев. Значительное количество украинских бойцов при этом было незаконно захвачено и удерживалось в местах лишения свободы.

5 сентября в Минске была достигнута договоренность о прекращении огня, после чего интенсивность боевых действий стала меньшей.

Новое обострение боевых действий началось в январе 2015 года после того, как был обстрелян пассажирский маршрутный автобус под Волновахой.

В феврале 2015 сложные бои велись за Дебальцево. На этот город, несмотря на договоренности о пре-

кращении огня, наступали пророссийские незаконные вооруженные формирования. В результате боев за Дебальцево небольшое количество украинских военных оказалась в плену - это была вторая после Иловайска ситуация, когда украинские военные оказались в окружении и часть из них попала в плен к преступным группировкам.

С февраля 2015 до лета 2015 года велись позиционные бои без значительных изменений в дислокации сил каждой из сторон.

По данным ООН, с середины апреля 2014 года до 27 июля 2015 года погибло 6 832 человека (гражданских и военных) и 17 087 человек были ранены в зоне кон-

1. Марта Куш. Махновщина та бульбашкові армії на Донбасі (КАРТА). – 10.10.2014//http://espresso.tv/article/2014/10/10/makhnovshchyna_ta_bulbashkovi_armiyi_na_donbasi_karta

фликта на востоке Украины, о чем сообщила пресс-секретарь Управления Верховного комиссара ООН по правам человека Сесиль Пуйи 29 июля 2015. Эти цифры включают в себя также 298 жертв катастрофы малайзийского лайнера «Boeing» рейса MH-17 Air-Malaysia.²

Стоит определиться с правовым статусом, а также с гарантиями, которые должны предоставляться отдельным лицам, задержанным во время вооруженного конфликта на Донбассе. Военнослужащим одного государства, захваченным во время вооруженных столкновений в плен военнослужащими другого государства, должен предоставляться статус военнопленных (prisoners of war). Военнопленный не считается преступником, ведь военнослужащие вооруженных сил государства во время вооруженного конфликта против вооруженных сил другого государства являются законными участниками вооруженного конфликта (комбатантами). Соответственно, и военный плен военнопленного не является наказанием и не предусматривает уголовной ответственности. Военный плен имеет одну цель - ограничить дальнейшее участие военнослужащих в военных действиях. Права и гарантии предоставляются военнопленным III Женевской конвенцией от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными. Правовой статус военнопленных возможен только в международных вооруженных конфликтах (вооруженных конфликтах между государствами).

Участники организованных вооруженных группировок, которые задержаны военнослужащими вооруженных сил государства во время вооруженных столкновений между ними, не имеют права на статус военнопленного. Они имеют статус задержанного (deprived of liberty, detainee), который определяется статьей 3, общей для четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 года, Дополнительным протоколом II и обычными нормами международного гуманитарного права. Задержанные имеют меньше прав и гарантий, чем военнопленные. Военнослужащие вооруженных сил государства, которые задержаны участниками организованных вооруженных группировок во время вооруженных столкновений между ними, также не имеют права на статус военнопленного. Они являются задержанными лицами.

Две главные гарантии, которые должны предоставляться задержанным лицам по международному гуманитарному праву - гуманное обращение с ними и право на справедливый суд. Другими важными гарантиями, которые предоставляются задержанным лицам, являются:

- запрет посягательства на жизнь, здоровье, физическое и психическое состояние лиц, в частности, убийство, а также жестокое обращение, например, пытки, нанесение увечий или любые

формы телесных наказаний;

- запрет коллективных наказаний, захват заложников, совершения актов терроризма, надругательство над человеческим достоинством, в частности, оскорбительное обращение, изнасилование, принуждение к проституции или непристойное посягательство в любой форме, рабство и работорговля во всех ее формах, грабеж, угрозы совершить любое из вышеуказанных действий;
- предоставление необходимой помощи раненым и больным;
- задержанные должны содержаться в безопасных местах за пределами зоны военных действий;
- запрещается причинять вред физическому или психическому здоровью, запрещается проводить медицинские опыты;
- предоставление продуктов питания и питьевой воды, создание условий для сохранения здоровья и соблюдения гигиены
- разрешается получать помощь в индивидуальном или коллективном порядке, получать и отправлять письма;
- в случае привлечения к труду задержанные лица пользуются такими же условиями труда и защитой, как местное гражданское население;
- запрет безвозмездного или принудительного униженного труда;
- задержанные лица имеют право на медицинский осмотр;
- запрет использования «живого щита» (прикрытие задержанным лицом с целью достижения военного превосходства)
- запрет принудительных исчезновений задержанных лиц;
- запрет произвольного лишения свободы;
- женщины содержатся отдельно от мужчин под наблюдением женщин.

Непредоставление или ненадлежащее предоставление вышеупомянутых гарантий может быть основанием для индивидуальной уголовной ответственности. Отдельные виды запрещенного поведения в отношении задержанных лиц могут быть квалифицированы как военные преступления. При этом важно отметить, что обязательства соблюдать эти права и гарантии задержанных лиц возложены на все стороны вооруженного конфликта независимо от места, где непосредственно содержится задержанное лицо.

Также стоит отметить, что международное гуманитарное право фактически не определяет, какие места несвободы являются незаконными, и не указывает стороне вооруженного конфликта, где именно, в каких помещениях и зданиях можно содержать задержанных лиц. Однако международное гуманитарное право четко требует от сторон вооруженного конфликта соблюдать его принципы и нормы, которые предоставляют права и гарантии задержанным лицам независимо от конкретного места содержания.

2. РБК-Україна. Число жертв конфлікту на Донбасі перевищило 6,8 тис. осіб, - ООН. - 29.07.2015// <http://www.rbc.ua/ukr/news/chislo-zhertv-konflikta-donbasse-prevysilo-1438115441.html>

III. Места несвободы в зоне АТО

По состоянию на 22 июля 2015 года из плена было освобождено 2 763 человека, находившихся в местах несвободы в «ДНР» и «ЛНР». На диаграмме, размещённой в этом разделе, приведено распределение освобожденных лиц по категориям.

В октябре 2014 года Служба безопасности Украины обнародовала карту преступлений против человечности, совершенных незаконными вооруженными формированиями на Донбассе.³ На указанной карте, помимо прочего, были отмечены и 7 населенных пунктов Донецкой и Луганской областей, в которых были расположены 26 мест содержания захваченных военных и гражданских лиц.

Анализ собранной в рамках исследования информации позволяет утверждать, что количество мест содержания задержанных лиц на территории так называемых «ДНР» и «ЛНР» намного больше, чем сообщается официальными структурами Украины. Фактически на неподконтрольной украинским властям территории Донбасса существует очень разветвленная сеть неофициальных мест несвободы различных типов и подчинения.

С учетом статуса этих «республик», все места содержания задержанных лиц на их территории можно рассматривать в качестве неофициальных, даже те из них, которые являются специально оборудованными для выполнения этих функций (например, изоляторы временного содержания органов внутренних дел (ОВД), следственные изоляторы (СИЗО)). В рамках данного исследования основное внимание было сфокусировано на получении максимально полных данных о таких местах, их расположении, общей характеристике, категории лиц, которые в них содержались.

В ходе исследования была получена информация о 61 месте несвободы, которые можно идентифицировать или по адресу, или благодаря подробному описанию, которое

было предоставлено бывшими заключенными. Стоит также отметить, что в отдельных местах несвободы использовались одновременно несколько мест содержания заключенных. На карте приведено распределение мест несвободы по населенным пунктам, отдельно по т. н. «ДНР» и «ЛНР».

На основании собранных данных можно условно классифицировать места несвободы, которые использовались незаконными вооруженными формированиями для содержания задержанных лиц по следующим категориям:

- помещения правоохранительных органов (Служба безопасности Украины (СБУ), Министерство внутренних дел (МВД), прокуратура)
- административные здания органов местной власти (областные, городские и районные советы, государственные администрации)
- военкоматы и воинские части;
- офисные помещения;
- частные дома;
- гостиницы, общежития;
- предприятия общепита (столовые, кафе, рестораны);
- промышленные предприятия (заводы, фабрики);
- вспомогательные здания (ангары, автомобильные боксы и т.п.);
- иное (например, канализационные колодцы, клетки).

Чаще всего задержанные лица содержатся в зданиях правоохранительных органов, в административных зданиях органов местного самоуправления, помещениях промышленных предприятий и предприятий общепита.

При этом, как можно увидеть из приведенных графических данных, в подавляющем большинстве случаев задержанные лица содержатся в помещениях, которые вообще не приспособлены для содержания людей, тем более, длительного содержания (условия содержания подробно рассмотрены в разделе VI).

Почти половина всех задержанных находилась в подвалах, значительная часть содержалась в автомобильных

3. УНИАН. СБУ показала карту злочинів проти людяності, скоєних бойовиками на Донбасі. – 03.10.2014// <http://www.unian.ua/politics/992025-sbu-pokazala-kartu-zlochyniv-proti-lyudyanosti-skoєnih-boyovikami-na-donbasi.html>

Места непосредственного содержания под стражей

боксах, помещении архива при отсутствии даже минимальных условий для нахождения там человека.

Фактически единственными помещениями, которые соответствовали стандартам содержания людей, были

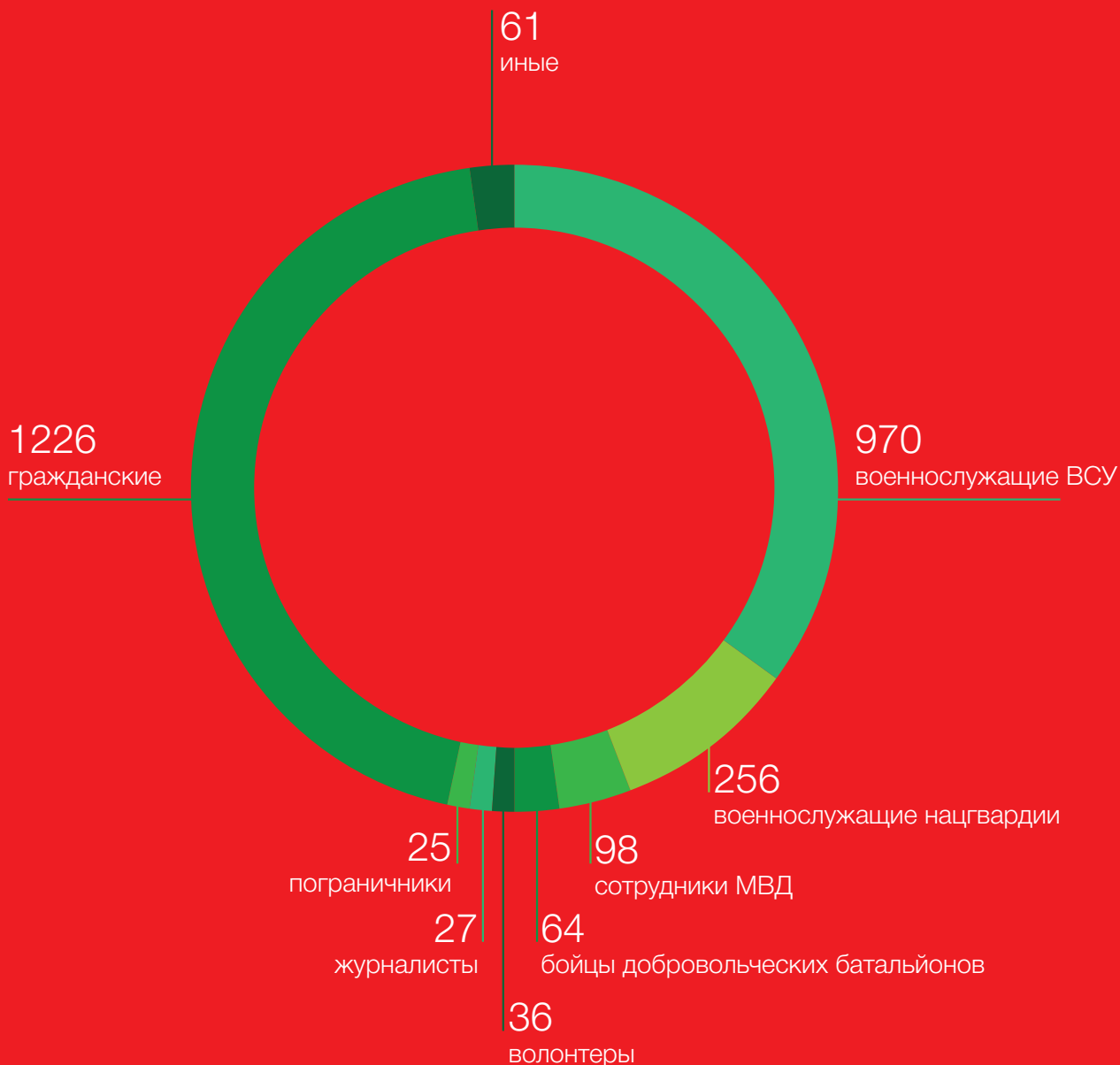
камеры изоляторов временного содержания органов внутренних дел и следственных изоляторов Государственной пенитенциарной службы, которые являются специальными учреждениями для длительного содержания задержанных.

Алчевск
 Стаханов
 Краснодон
 Северодонецк
 Лисичанск
 Перевальск
 Свердловск
 Ровеньки
 Антрацит
 Красный луч
 Перевальск
 Верхнешевылевка

Распределение мест несвободы

по населенным пунктам («ДНР» и «ЛНР»)

2763

человека

освобождены

из плена "ДНР" и "ЛНР"

(по состоянию на 22.07.2015)

IV. Обстоятельства и процесс задержания

Материалы, полученные в ходе исследования, безоговорочно доказывают, что процесс лишения свободы на территории, подконтрольной т.н. «ДНР» и «ЛНР» (незаконные задержания гражданских лиц и захват в плен военных), происходит без соблюдения норм какой-либо системы права.

Кроме чрезмерного применения силы и жестокости, полностью игнорируются процессуальные гарантии, предусмотренные как национальным законодательством, так и международными нормами права:

- не разъясняются причины задержания;
- задержания документально не оформляются;
- первые допросы после задержания документально не фиксируются;
- задержанным лицам не разъясняются их права и обязанности;
- задержанным лицам не разъясняются основания их задержания, а также то, в чем они подозреваются или обвиняются;
- третьих лиц не уведомляют как при задержании гражданских лиц, так и при захвате военнослужащих Вооруженных сил Украины или бойцов добровольческих батальонов;
- не обеспечивается доступ к адвокату задержанным лицам и захваченным в плен;
- судом не решается вопрос об основаниях, сроках и законности задержания.

Задержания гражданских лиц, которые временно находятся в зоне вооруженного конфликта, происходят преимущественно на блокпостах незаконных вооруженных формирований (С-05).⁴

Обстоятельства задержаний гражданских лиц, постоянно проживающих на территории, подконтрольной незаконным вооруженным формированиям, достаточно разнообразны. Преимущественно такие

задержания происходят в местах массового пребывания людей (С-61), в помещениях (С-15, С-71, С-77), на рабочих местах (С-54, С-68) и в населенных пунктах за пределами помещений (С-44, С-45, С-60).

Обращают на себя внимание провокации, которые используются боевиками незаконных вооруженных формирований при задержании гражданских лиц. Это обращение провокаторов якобы за помощью под видом лиц, прибывших с территории, неконтролируемой т. н. «ДНР», «ЛНР» (С-65), использование провокаторов с целью выманить человека из квартиры (С-16) и другие.

Гражданские лица, как те, которые временно находятся в зоне вооруженного конфликта, так и те, которые постоянно проживают на территории, подконтрольной незаконным вооруженным формированиям, задерживаются как боевиками незаконных вооруженных образований, так и представителями квази-государственных силовых образований (милиции, комендатуры, «министерства государственной безопасности» и т.п.).

Материалы исследования указывают на то, что к незаконным вооруженным формированиям, боевики которых часто задерживают гражданское население, следует отнести:

- батальон «Призрак» незаконного вооруженного формирования «ЛНР» (С-40, С-66, С-77);
- казачий полк им. Платова (руководитель Павел Дремов) незаконного вооруженного формирования «ЛНР» (С-54, С-60, С-68, С-71);
- батальон «Оплот» незаконного вооруженного формирования «ДНР» (С-05);
- батальон «Восток» незаконного вооруженного формирования «ДНР» (С-12);
-

Среди квази-государственных силовых образований, представители которых чаще всего задерживают гражданское население, стоит отметить:

- органы безопасности незаконных вооруженных формирований «ЛНР» и «ДНР» (С-02, С-05, С-65);
- комендатуры незаконных вооруженных форми-

4. Здесь и далее по тексту: обозначение в тексте С-05 является закодированным номером дела опрошенной жертвы, материалы дела которой сохраняются в архиве коалиции и могут быть представлены в международные судебные инстанции с согласия самой жертвы.

рований «ДНР» и «ЛНР» (С-24, С-61);

- милицию незаконных вооруженных формирований «ЛНР» и «ДНР» (С-16, С-37, С-38).

Системные задержания гражданского населения осуществляются также боевиками вооруженных образований, которые не были идентифицированы в ходе исследования (С-15, С-35, С-44, С-45, С-79).

Решение о дальнейшем содержании незаконно задержанных гражданских лиц принимают, как правило, лица, непосредственно осуществлявшие задержание, или же главари, которым эти лица подчинены (С-05, С-24, С-37, С-40, С-44).

При незаконных задержаниях гражданского населения боевики незаконных вооруженных формирований и представители квази-государственных силовых образований отличаются особой жестокостью. Задержанным лицам в течение длительного времени руками, ногами, с применением прикладов стрелкового оружия наносят удары по всем частям тела, в том числе по голове, задержанных перевозят в багажниках легковых автомобилей; калечат пальцы рук и ног пассатижами; наносят пулевые ранения из мелкокалиберного оружия, наносят телесные повреждения с помощью колющих и режущих предметов, применяют другие методы пыток и жестокого обращения (С-05, С-44, С-45, С-54, С-68, С-79).

К гражданским лицам при незаконных задержаниях в подавляющем большинстве случаев на длительное время применяют фиксацию с помощью наручников, веревки, резинового жгута, одевают мешок на голову (С-02, С-35, С-65, С-44, С-60, С-15, С-54).

Конвоирование незаконно задержанных гражданских лиц с места фактического задержания до места дальнейшего содержания осуществляется, как правило, теми же лицами, которые осуществляли эти задержания. В подавляющем большинстве случаев это боевики незаконных вооруженных образований и представители квази-государственных силовых образований (С-02, С-12, С-40, С-60, С-61, С-65, С-66). В ходе этих конвоирований к гражданским лицам боевиками также применяются чрезмерная сила и жестокость. Беспочвенно наносятся удары, в том числе прикладами оружия, телесные повреждения колющими и режущими предметами, конвоируемых лиц запугивают угрозой применения огнестрельного оружия (С-35, С-44, С-45, С-61, С-65).

Рассматривая вопрос о захвате незаконными вооруженными формированиями военнослужащих Вооруженных сил Украины (ВСУ) и бойцов добровольческих батальонов, стоит обратить внимание на то, что такие захваты происходят в результате боевых столкновений в подавляющем большинстве при непосредственном участии в противостоянии вооруженных сил Российской Федерации (С-26, С-27, С-46; С-53). Поэтому и захват

участников АТО в большинстве случаев осуществляли военнослужащие РФ, на что указывают показания бывших пленных (С-26, С-27, С-50, С-53, С-72).

Материалы исследования содержат также сведения о захвате военнослужащих ВСУ и бойцов добровольческих батальонов боевиками незаконных вооруженных формирований, в частности, боевиками батальона «Кальмиус», который состоит из наемников из Российской Федерации (С - 74) и боевиками неидентифицированных вооруженных образований (С-11, С-23, С-62; С-64).

Свидетельства военных, которые были захвачены и пребывали в местах несвободы, указывают на определенные особенности по принятию решений о дальнейшем содержании военнослужащих ВСУ и бойцов добровольческих батальонов, которые были захвачены вооруженными силами Российской Федерации. Иногда такие решения принимали непосредственно представители вооруженных сил Российской Федерации (С-53, С-50, С-72), но в подавляющем большинстве случаев право принятия решения о дальнейшем содержании захваченных военнослужащих РФ делегировали главарям незаконных вооруженных формирований т. н. «ЛНР» и «ДНР» (С-26, С-62, С-27).

Материалы исследования указывают на то, что особой жестокостью и чрезмерным применением силы (физическими издевательствами, причинение увечий, унижениями и т.п.) к военнослужащим ВСУ и бойцам добровольческих батальонов при захвате их в плен отличались боевики вооруженного образования «Кальмиус» (С-74) и представители квази-государственных силовых образований - службы безопасности т. н. «ЛНР», «ДНР» (С-23).

К захваченным в плен военнослужащим ВСУ и бойцам добровольческих батальонов почти во всех случаях захвата применялась фиксация с помощью пластиковых хомутов, проволоки, ремней и скотча. Глаза им на длительное время завязывали повязками (С-23, С-26, С-27, С-53, С-62, С-64).

Особенность конвоирования захваченных в плен военнослужащих ВСУ и бойцов добровольческих батальонов состоит в том, что процесс такого конвоирования иногда был слишком длительным (часто более суток) и субъекты, которые его осуществляли, менялись. Материалы исследования содержат сведения о многочисленных случаях, когда конвоирования начинали подразделения вооруженных сил РФ, а продолжали боевики незаконных вооруженных формирований (С-27, С-46, С-50, С-53, С-62).

Материалы исследования также содержат сведения о случаях конвоирования захваченных военнослужащих ВСУ и бойцов добровольческих батальонов к месту дальнейшего содержания непосредственно военнослужащими Вооруженных сил Российской Федерации (С-26, С-72).

Захваченных военнослужащих ВСУ и бойцов добровольческих батальонов к месту дальнейшего содержания почти во всех случаях перевозили в нечеловеческих условиях транспортными средствами, не предусмотренными для перевозки людей (С-26, С-27, С-53), их также транспортировали на большие расстояния в течение длительного времени, в том числе раненых, иногда конвоировали пешком (С-46, С-72, С-74).

О жестоком обращении с захваченными военнослужащими ВСУ и бойцами добровольческих батальонов при их конвоировании к месту дальнейшего содержания свидетельствуют нижеприведенные цитаты из их показаний:

«..Стояли на коленях приблизительно 2 часа ... Нас стали бить, плевать, снимать на телефоны. У меня шла кровь из уха, были разбиты губы, синяки. Другим ребятам ломали ребра (Юрий), Валерию сломали вторую челюсть. Каждый из нас по несколько раз от ударов бился о стену головой. Узнав, что я снайпер, меня начали бить еще жестче, хотели вырезать глаз, приставили нож к зрачку. ... После этого мне попали ногой в копчик» (С-74).

«При конвоировании во время остановок били руками, ногами, прикладами автоматов. Пытались отрубить топором пальцы на ноге, давили плоскогубцами пальцы на руке, производили выстрелы возле головы» (С-23).

V. «Персонал» мест несвободы

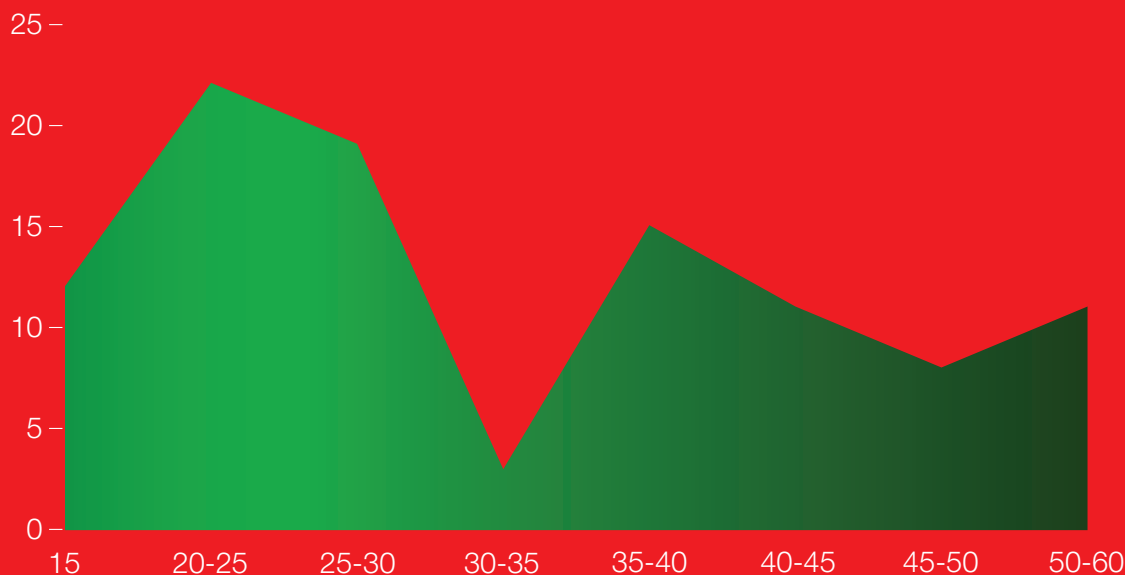
Полученные показания незаконно задержанных гражданских и военных позволяют утверждать, что в большинстве случаев среди так называемого персонала мест несвободы отсутствовало элементарное распределение функций. Так, функции задержания, конвоирования и охраны в 59,5% случаев осуществляли одни и те же люди. Еще в 14% случаев эти же люди проводили процедуру допроса. Указанные случаи зафиксированы достаточно пропорционально на территориях, подконтрольных т.н. «ЛНР» (26%) и «ДНР» (33%).

С учетом этого факта выглядит сомнительной возможность объективного отношения и гуманного, не-

дискриминационного обращения с большинством лиц, содержащихся в местах несвободы. Статистика применения пыток и жестокого обращения подтверждает этот тезис - 69% опрошенных стали жертвами физического насилия при содержании и допросах в местах несвободы.

Среди детально описанных охранников мест несвободы преобладают лица в возрасте до 30 лет (53%)

Среди них следует обратить внимание на привлечение к этим функциям не менее четырех 15-летних юношей в г. Снежное (Донецкая обл.), вооруженных АК-47, РПК, СКС (С-26). Видео-интервью с несовершеннолет-

Распределение по возрасту
персонала, который осуществлял
охрану мест несвободы (в %)

Места несвободы

по населенным пунктам («ДНР» и «ЛНР»)

Северодонецк

Лисичанск

Стаханов

Алчевск

Перевальск

Славянск

Краматорск

Дружковка

Константиновка

Дзержинск

Горловка

Ясиноватая

Донецк

Докучаевск

 Правоохранительные органы
(милиция, СБУ, СИЗО и т.п.)

 Военные объекты

 Органы государственной власти
и местного самоуправления

 Промышленный объект

 Учебное или научное заведение

 Гараж

 СМИ

 Коммерческий объект
(заведение общественного питания,
отдыха, автозапрака и т.п.)

 Больница

 Административное здание

 Частный дом

 Многоэтажный, жилой дом

 Места удержания под открытым небом
(яма, вольер, клетка, канализационный люк и т.п.)

Привлечение детей к участию в вооруженных формированиях. Батальон «Восток»

ними участниками незаконных вооруженных формирований было опубликовано в сети Интернет⁵. О вовлечении детей в боевые действия на стороне т.н. «ДНР» публично заявлял один из лидеров квази-республики Александр Захарченко⁵.

В качестве вспомогательного персонала опрашиваемые отмечали медицинских работников, привлечение которых было зафиксировано в г. Донецке, г. Снежное и г. Макеевка Донецкой области, г. Луганск. На статус узников медицинский персонал практически не имел возможности повлиять, из-за чего освобождение или перевод в другое место по состоянию здоровья практически не осуществлялись.

Несмотря на основы врачебной этики, не весь медперсонал придерживался принципов оказания неотложной помощи задержанным гражданским и военным. Руководство городской больницы Краснодона, например, отрицательно относилось к необходимости оказания помощи захваченным украинским военнослужащим, намеренно причиняя им боль во время послеоперационных процедур (С-52). В составе вооруженного формирования МГБ «Смерш», который дислоцировался летом 2014 в г. Луганск (пл. Героев Великой Отечественной войны, 10), как показали свидетели и пострадавшие, находились 2 российских медработника - фельдшеры по прозвищу «Пал Палыч» и «Каха» (Калинин Валерий Иванович из Краснодара). Первый занимался пытками с использованием медицинских инструментов, а второй проявлял особую жестокость при обращении к нему арестантов (С-65).

5 Ylmoscova. Andrey Donetsk. – 29.072014// https://www.youtube.com/watch?v=Z6_Z0a7sTyI

6 ТАСС. Премьер-министр ДНР: в Донецке появятся Суворовское и кадетское училища. – 1.10.2014 г. // <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1478603>.

Единичными были случаи привлечения священников к решению проблем лиц, находящихся в местах несвободы т.н. «ЛНР» и «ДНР». Такие факты известны только относительно подвалов ОГА в Луганской области, где находилась часть заложников боевиков.

«Заходил священник в камуфляжной футболке и брюках. Он был невысокий, круглолицый, очень коротко стриженный, в возрасте до 40 лет, без бороды. Сказал, что утром меня расстреляют» (С-44).

В рамках исследования крайне трудно охарактеризовать иной персонал, обеспечивающий пребывания задержанных в местах несвободы. Связано это прежде всего с неофициальным статусом этих мест, где у вооруженных формирований т.н. «ЛНР» и «ДНР» не возникло даже потребности в налаживании нормальных условий содержания заключенных. Поэтому, например, приготовлением пищи занимались или охранники, или те, кого они охраняли. Только в единичных случаях с целью приготовления еды для удерживаемых под стражей привлекались местные жители, как правило, женщины (С-02, С-15, С-30).

Среди персонала мест несвободы женщины вообще встречаются крайне редко. В частности, пока известно только о двух из них:

1. Следователь «милиции «ЛНР»», г. Алчевск - женщина около 30 лет с русыми волосами, работала в городском отделе «милиции «ЛНР»» (С-37).

2. «Багира», член военного формирования «ДНР», г. Снежное (Донецкая обл.) - женщина 30 лет, блондинка с короткой стрижкой, среднего роста, крепкого телосложения, одета в камуфляжную военную одежду, вооружена. Принимала участие в проведении допросов вместе с военнослужащим РФ (С-41, С-74).

Бурят с позывным «Ваха» о боевых действиях на Донбассе, 17/03/2015⁷

Персонал мест несвободы состоял преимущественно из местных жителей. Однако показания 31% опрошенных пострадавших указывают на личный контакт с, по меньшей мере, 32 наемниками из Российской Федерации, а также кадровыми военными РФ, которые играли руководящую роль в проведении допросов и организации охраны мест несвободы. Такие случаи были зафиксированы в г. Луганск, гг. Краснодон и Стаханов (Луганская область), г. Донецк, гг. Снежное и Славянск (Донецкая область).

«Российскими военными командовал «Лиса». Приблизительно 35 лет. Рост около 175 см. Рыжий. Худой. Это были контрактники из Пскова, Поволжья, Оренбурга» (С-39, С-46, С-50).

«Это были военнослужащие Российской Федерации, одетые в российскую форму с российскими шевронами, у них была российская техника с пометками - белый круг с треугольником внутри» (С-53).

«Они оказались наемниками из числа граждан Российской Федерации, по их словам - осетинами по национальности» (С-74).

«Среди охранников были российские военные, часть охранников заставляла петь российский гимн. Несколько человек были из Ростова. По словам людей, которые были в группе, что базировалась на том объекте, они воевали в Дагестане, Ираке, Карабахе, Лаосе, Вьетнаме и тому подобное. Среди них также был один чеченец и один осетин» (С-65).

«Врач, пришедший ко мне, оказался капитаном российских войск в погонах и с нашивками на военной форме. Это был российский спецназ» (С-82).

Оценивая вероятность идентификации в дальнейшем указанных в интервью лиц, выполнявших функции персонала мест несвободы (охрана, допросы, конвоирование на принудительных работах, медицинская помощь, обеспечение пищей), мы можем распределить их по меньшей мере на три категории: низкая вероятность (известны кличка-прозвище, формирование, населенный пункт); средняя вероятность (дополнительно известны имя/фамилия, национальность, особые приметы); высокая вероятность (дополнительно к уже указанным известны подробности биографии/личной жизни, образование, место рождения, стабильная деятельность в течение длительного времени).

К категории лиц, которых легко идентифицировать, можно отнести, например, одного из сторонников т.н. «ДНР»:

7 News-Front. Интервью с добровольцем: бурят с позывным «Ваха» из подразделения «Ольхон». - 17.03. 2015 г.// <https://www.youtube.com/watch?v=FWOAYfeSYng>

8 62.ua. Кадыров заявил, что все чеченские «хулиганы», воевавшие за боевиков «ДНР», уехали из Донбасса. - 31.07.2015 г.// www.62.ua/article/909467

Наемники из Северного Кавказа, Донецк, июнь 2014⁸

«Допрос проводил человек по имени Эдик, еще его называли «Следователь» или «Следак». Низкого роста, примерно 160 см, лысый, в очках, возраст 40-45 лет. По его словам, он проживает в Донецке, имеет там жену. Было похоже, что он сотрудник СБУ в Донецкой обл., поскольку он очень хорошо ориентировался в здании. Он сидел в 21 кабинете на первом этаже. Ходил в камуфляжной форме» (С-62).

«Я работал на принудительных работах у человека с позывным «Григорьевич», звали его Виктор Григорьевич, он был что-то вроде завхоза в батальоне «Заря». По его словам, он был уже несколько лет милицейским пенсионером, в прошлом - заместителем луганского «Беркута». Очень идейный сторонник Новороссии был, говорил, что ему 62 года» (С-09).

Также высокие шансы быть опознанным имеет один из представителей РФ:

«В г. Снежное решение о содержании под стражей принимал офицер российской армии, полковник с позывным «017», который имел шеврон «Вежливые люди». Он проводил допросы исключительно с военнопленными. Руководил казнью местного жителя. Утверждал, что принимал участие в захвате Крыма и говорил, что это у него уже четвертая война. Высокий, 185-190 см роста, крепкого телосложения, лет 40-45, с небольшим животом, холерный, морщины на лице, черные и с проседью коротко стриженные волосы. Проживает под Москвой. Очки имел очень дорогие, постоянно крутил в руках пистолет Макарова. Его потом заменили, поскольку он, по мнению руководства, был лоялен к пленным» (С-20, С-36, С-41, С-72, С-74, С-84).

VI. Условия содержания в местах лишения свободы

Согласно приведенной выше информации по состоянию на 30.09.2014 было известно о 26 объектах, расположенных на территории или вблизи 7 городов, которые использовались как незаконные места лишения свободы. Места несвободы, где находились в заключении военнослужащие ВСУ, бойцы добровольческих формирований, волонтеры или другие гражданские лица, фактически можно условно разделить на два типа - к первому относятся те, которые определенным образом предусматривают содержания лишенных свободы лиц и обустроены должным образом - как правило, это изоляторы временного содержания (ИВС) в захваченных городах, помещения правоохранительных органов (МВД, СБУ, суд), которые использовались для содержа-

ния лиц. Но практически всех опрошенных лиц держали в непригодных для этого местах - это были помещения в административных или даже частных зданиях, подвалы в таких помещениях, гаражи, сараи, ямы, иногда людей держали прямо на открытом воздухе.

Места несвободы, которые были приспособлены для содержания лиц, лишенных свободы, как правило, находились под контролем правоохранительных органов, которые продолжали работать в этих заведениях, и, соответственно, существенно не меняли стандарты содержания лиц, которых помещали в камеры или другие помещения, предусмотренные для содержания задержанных лиц. Полученные от опрошенных лиц свидетельства указывают на то, что такие стандартные места содержания представлялись намного более удобными и «комфортными» по сравнению с теми условиями, когда человека помещали в гараж, подвал или иное подобное необорудованное место содержания. Неформальные места содержания, как правило, создавались незаконными вооруженными группировками вблизи мест дислокации этих группировок или неподалеку от таких мест. Это место определялось не только как место содержания, но и как место наказания тех, кто «провинился» - допустил дисциплинарные проступки, попал в руки вооруженных преступников без документов или ночью, когда эти преступники запретили свободно ходить людям улицам городов, введя «комендантский» час, хватая людей в состоянии алкогольного опьянения или просто если на кого-то заявили через донос. Такие неформальные места содержания лиц под стражей считались намного жестче по условиям содержания, за них формально никто не нес ответственности, и обращения с заключенными в них лицами зависело

Место несвободы в подвале Северодонецкого филиала ГИАП (Государственного института азотной промышленности).

Место заключения в подвале Славянского городского отдела СБУ в Донецкой области.

от воли преступников, которые произвольно помещали туда лиц, нанося им дополнительные физические и моральные страдания в результате жестокого обращения или пыток. Следует отметить, что подавляющее большинство лиц, лишенных свободы, попадало именно в такие «самодельные» неформальные места несвободы, которые использовались преступниками вооруженных группировок. Это является подтверждением того, что никакие правовые нормы такими группировками не признавались, они открыто совершали преступления, в нарушение статьи 146 Уголовного кодекса Украины, которая предусматривает наказание за незаконное лишение свободы или похищение человека. Свидетельством как патологической садистской жестокости, так и полной безнаказанности преступников является опубликованная информация о жертвах бандита Лютого в городе Брянка, в которой говорится о том, как террористы удерживали, пытали, убивали безнаказанно и бесконтрольно людей на территории Брянки и Алчевска.⁹

Нередко захваченное преступниками лицо помещали по очереди в несколько мест. Так, один из опрошенных за время лишения свободы побывал в восьми местах за период с 29 октября 2014 по 23 мая 2015 года. Это были подвалы, полуподвалы, иногда офисные помещения (С-64). Другое лицо в течение 24 дней лишения свободы удерживали в трех местах – в ИВС Северодонецка, гараже на территории УБОПа в г. Стаханове и в гараже на территории кафе в Перевальске (С-78).

Наиболее красноречивыми характеристиками являются непосредственные свидетельства самих пострадавших об условиях, в которых они находились.

«В Донецке это было старое бомбоубежище под зданием СБУ. В городе Иловайск то были бывшие КПЗ, из которых впоследствии сделали тир. Во время боевых действий в тот тир попала мина и там все вы-

горело. Вот туда нас и поселили. Мы там навели себе порядок. Вынесли камни, мусор, штукатурку, которая обвалилась. В этом полуподвальном помещении мы жили все остальное время - 74 дня» (С-73).

«Донецк. В подвале было четыре комнаты по 20-25 кв.м. Сыро, холодно, отсутствие дневного освещения. Минимальное искусственное освещение. Также в подвале было 2 туалета, которые не работали, и несколько комнат для вентиляции, но вентиляция не работала до середины сентября. Затем ее починили. Иловайск. Комната около 40 кв.м. на первом этаже. Черные потолки и стены. Сыро, холодно, минимальное дневное освещение через одно окно 0,5 x 1,5 м. Минимальное искусственное освещение» (С-39).

«Луганск. Подвал в трубах, все влажное, везде вода, плесень, сырость. Штукатурка обваливается. Было прохладно. Вентиляции не было» (С-44).

«Северодонецк, ул. Вилесова, 1, подвал Северодонецкого филиала ГИАП (Государственного института азотной промышленности). Трансформаторная, бетонное помещение. Было темно, душно, 16 человек на 9 квадратных метров, спали на картонных коробках в подвале» (С-69). (См. фото)

«Краматорск, Донецкая обл., ул. Шкадинова, 14, Ювелирное предприятие. Было очень трудно дышать, было влажно и жарко. Помещение не убиралось. Сырость, затхлый запах, грязные рваные матрасы и подушки» (С-57).

«Славянск. Подвал СБУ в Славянске можно охарактеризованы одной фразой - «непригодное помещение»: грязь, слабое освещение, питание на полу» (С-45). Именно в этом подвале удерживали в апреле 2014 замученного до смерти депутата Горловского городского совета Владимира Рыбака. (См. фото)

«Здание дворца спорта «Металлург», г. Алчевск, ул. Ленинградская, 41. Содержался чуть менее 3-х су-

9. Боевики «ЛНР»: в Брянке наданы 17 тел жертв бандита Лютого. – 14.08.2015. - // <http://gordonua.com/news/war/Boeviki-LNR-V-Bryanke-naydeny-17-tel-zhertv-bandita-Lyutogo-94009.html>

Место заключения в заброшенном бомбоубежище на территории ЗАО «Лисичанский стеклозавод «Пролетарий»»

ток в подвальном помещении Дворца спорта, предназначенном для пулевой стрельбы. Много пыли, воздуха не хватало, было тепло и душно (август)» (С-77).

«Часть людей содержалась в камерах, другие - в двух гаражах на территории горотдела МВД по 45 и 54 человек в каждом. Потолок протекал, пол цементный, спали на дверях и досках. Было жарко, во время дождя - влажно. В данном помещении находился 18 суток» (С-72).

«В одном гараже нас было 45 человек. Окон не было. Свет утром было видно сквозь щели между досками в стенах. Высота потолка примерно 2,80 м. Площадь около 8м x 5м или 8м x 6м. Спать нам всем было тесно. Спали кто как: на досках, кому достался матрас. Ночью в помещении было холодно, накрыться было нечем. Днем, наоборот, было жарко. Мыться или стирать вещи возможности не было» (С-80).

«Луганск, площадь Героев Великой Отечественной войны, 10. Это были фактически гаражи с бетонными потолками и полом. Днем было очень жарко и душно, ночью было прохладно» (С-65).

«Луганск. Потом кинули в гараж. Гараж был капитальный. Там была смотровая яма, в ней стояло ведро, куда мы ходили в туалет. В углу лежал лист ДСП, и было два армейских одеяла, и все, больше там ничего не было. Там бетон был, и мы спали на этих армейских одеялах. Дышалось там очень плохо. Был сильный запах от туалетного ведра. Двери просто так никто вообще не открывал. Проветривалось помещение только 2 – 3 раза за все время, и то по нашей просьбе. В гараже просидели 3 недели» (С-23).

«Это было складское помещение, которое построено бетонными блоками (бетонитом). У него были металлические двери. Помещение маленькое, размером приблизительно два метра на три метра. Лампочки там не было, там было темно, окна

не было. Там было очень жарко и душно (не было ни отдушины, ни окна, лишь плотная дверь). Жара была страшная. Это здание не было приспособлено, чтоб там жило живое существо. Там крысе делать нечего». (С-04).

«Гараж на территории комендатуры г. Стаханова по ул. 395 Шахтерской дивизии, 48. Обычный гараж для автомобилей с ямой, точную площадь сказать не могу, приблизительно 6х4 кв.м. Стены – шлакоблок. Пол – бетон. Нас там содержалось порядка 15 человек» (С-54).

Иногда людей удерживали просто на открытом воздухе, приковывая их наручниками или помещая в клетки.

«Меня привезли на их базу – кафе под открытым небом «Лесная сказка» (Алчевск, пр. Металлургов, 49). Было около часа ночи. Раньше в этом кафе содержались животные, было много металлических заборов. Одной рукой меня приковали к одному из таких заборов. Минут через 5 привезли моего товарища, тоже приковали его к забору. До нас там находился парень, тоже прикованный. Возможности перемещаться ночью не было – был прикованным одной рукой к забору» (С-24).

«Поначалу меня несколько дней держали на улице, там было построено что-то похожее на вольер. 5 дней там, а потом перевели в тамбур, получается, как центральный вход в здание: металлические двери стоят, и тамбур где то метр шириной и метр в длину (С-29).

Также людей держали в клетках в отдельных помещениях, которые были предусмотрены для содержания арестованных, например, в зале судебных заседаний, о чем имеется следующее свидетельство:

«В комендатуре в Докучаевске я трое суток находился в клетке для заключенных в зале судебных заседаний. Клетка 1,5 на 2 метра» (С-25).

Частой была практика использования служебных помещений для содержания в них лиц, которых незаконно лишили свободы. Два следующие примера подтверждают это.

«Гардеробная в горисполкоме размером примерно 3х6 м, под окном сетка от кровати, несколько простыней, стол, кресло, журнальный стол, 3 или 4 стула. Сначала кроме меня находилось 7 человек, на 5 сутки моего пребывания там находилось 27 человек» (С-38).

«Помещение редакции. Я был привязан наручниками к трубе батареи отопления на лестничном марше между 1 и 2 этажом» (С-40).

В зависимости от мотивов содержания - желания «спрятать» и максимально изолировать лицо или же,

наоборот, потребности преступников держать жертву рядом с местом, где можно было ее использовать в качестве рабочей силы, места содержания, соответственно, были тайными и открытыми. Как видно из приведенных свидетельств, максимально закрытыми выглядят подвалы и гаражи, относительно «открытыми» есть помещения в административных зданиях, таких, как комната гардеробной в горисполкоме Краматорска. Однако в любом случае такие места содержания являются, очевидно, незаконными местами лишения воли без необходимых условий по обустройству этих помещений для содержания в них лиц.

К таким ненадлежащим условиям относится также и нераздельное содержание в течение длительного промежутка времени женщин и мужчин, о чем свидетельствует следующее свидетельство.

«Деление на группы было, но все же во время моего содержания вместе с нами (мужчинами) какое-то время содержалась женщина. Когда кто-то ходил в туалет, все остальные находились в этой же камере» (С-23).

Вопрос о санитарных условиях, в том числе об отправлении естественных надобностей, в местах, которые не относятся к специально оборудованным (а, в основном, это наблюдалось почти во всех случаях) решались практически всегда одним и тем же способом - использованием ведра или пластиковых бутылей.

Вывод в туалет производился, по словам опрошенных, раз в сутки, иногда вообще наблюдался отказ вывода в туалет.

«Я не имел доступа к санузлу вообще. Требовал, чтобы меня вывели к санузлу, но мою просьбу проигнорировали» (С-44).

Для отправления естественных нужд в местах несвободы использовались пластиковые бутылки и бутылки. Г. Лисичанск, место заключения на территории ЗАО «Лисичанский стелозавод «Пролетарий»»

Место заключения в подвале Словянского городского отдела СБУ в Донецкой области

Вопрос доступа к воде и пище также является критически важным для характеристики отношения к задержанным лицам. Приведенные свидетельства представляют обобщенное описание состояния обеспечения захваченных и помещенных в места несвободы людей питьевой водой и пищей.

«Когда меня посадили, в подвале была пластиковая бутылка 1,5 л с водой, но полная лишь наполовину. Больше воды за 4 дня не давали, хоть я и просил, говорили, что этой хватит. Поэтому приходилось пить воду с пола, ту, что стекала из труб» (С-44).

«Воду давали техническую, периодически приезжала пожарная машина, из нее набирали техническую воду, которую потом пили» (С-27).

«Емкости с водой, которые не всегда можно было наполнить по необходимости. Однажды из-за нехватки воды было введено деление на порции» (С-60).

«Еду мне дали всего два раза за пять дней - макароны с мясом и кашу. Мне приходилось разделить их на несколько порций» (С-35).

«Луганск, помещение СБУ. Воду приносили. Проблемы были с едой: в помещении у дверей стояло одно большое корыто длиной 130-140 см, в которое из ведер заливали кашу. Чем есть - не давали, поэтому люди делали это кто как мог - кто руками, кто-то находил среди оставленных документов плотную бумагу и делал из него «ложку»» (С-05).

Важным условием содержания в месте несвободы является возможность контактировать с внешним миром посредством телефонных звонков, в частности, сообщить родным или близким о задержании, иметь возможность контактировать с ними во время пребывания в неволе. Практически во всех случаях респонденты сообщали об отсутствии возможности телефонных пе-

реговоров с родными и близкими в первые дни содержания в неволе, что фактически превращало этих лиц в похищенных и незаконно тайно удерживаемых, без возможности для них сообщить родным или близким о месте их содержания, причинах заключения под стражу, повлиять на нечеловеческие или жесткие условия содержания, получить неотложную медицинскую помощь, в которой также в большинстве исследованных случаев заключённым было отказано.

«За время пребывания в плену к нам приходила врач. Мы ее позвали через конвоиров. Мне сказала, что ничем помочь не может, потому что поломаны ребра и их нужно перемотать простынями, но у них самих не хватало простыней для своих» (С-05).

«Относительно оказания медицинской помощи в Еленовке и Докучаевске речи не было» (С-25).

«Медицинскую помощь в Иловайске нам не пре-

доставляли. Один парень там сильно простудился, и его забрали и увезли в Иловайск в больницу. С неделю или две он там пролежал. Лечили воспаление легких. Затем его вновь вернули к нам. Но у него все еще была высокая температура. И почти у всех постоянно была высокая температура. У некоторых очень сильно болели зубы. У меня было воспаление барабанной перепонки правого уха. Я перестал им слышать» (С-73).

«У меня были пулевые ранения в области позвоночника. Первые 2 суток после задержания я находился в городской больнице Краснодона. Там оказали так называемую помощь, достали пули, без обезболивающего, наживо, наложили повязку, прикрепили пластырем, лечения как такового не было» (С-52).

«Люди после избиений не получали медицинской помощи. Возможно, кто-то индивидуально и получал, но медицинских работников и лекарств я не видел» (С-54).

VII. Пытки и жестокое обращение

На территории так называемых «ДНР» и «ЛНР» распространена практика пыток и жестокого обращения с незаконно удерживаемыми гражданскими лицами и военными. Эти действия тщательно организованы, связаны между собой и происходят во всех неофициальных местах несвободы. Данное явление носит системный и масштабный характер, что свидетельствует о существовании сознательной политики на осуществление пыток и жестокого обращения с задержанными, что подтверждает факты совершения преступлений незаконными вооруженными формированиями, которые требуют детального расследования по каждому отдельному эпизоду.

Системность пыток прослеживается из многочисленных показаний потерпевших: «Каждый день мог быть разный, когда хотели тогда и будили, уводили на избивание, допрашивали постоянно» (С-56); «Да, контакты были. Их суть заключалась в том, что нас били» (С-48). Жестокость пыток подтверждают и работники медицинских учреждений на оккупированных территориях: «Известны случаи избивания членами батальона «Восток» людей, которые через какое-то время после этого умерли. Фамилии и детали мне неизвестны. Обращались как к врачу-хирургу в больнице» (С-24).

Пытки и жестокое обращение применялись также и по отношению к женщинам. Двое из опрошенных во время проведения интервью были беременными, о чем представители незаконных вооруженных формирований точно знали. В результате пыток и избиваний одна из них потеряла ребенка.

«Я просила меня не бить, говорила, что беременна. Они сказали, что «очень хорошо, что укроповский ребёнок умрёт». Нас били всем, чем угодно: и прикладами, и ногами, и бронжилетами, которые нашли у нас. Били по всем частям тела. Об меня тушили бычки. Мне, потому что я смотрела и кричала, когда

избивали других, завязали скотчем глаза. Я на тот момент была на третьем месяце беременности, и в результате избиваний у меня началось кровотечение. Я потеряла сознание [...]» (С-83).

Важно отметить роль российской прессы. Задержанные отмечали, что после избивания были вынуждены отвечать на вопросы так, как этого требовали представители незаконных вооруженных формирований, близкие к ним местные и российские журналисты. За «неправильный» ответ человеку угрожали пытками.

«Нас принуждали отвечать на вопросы журналистов так, как они просили, под страхом издевательств. Непосредственно меня в октябре - ноября 2014 г. допрашивали представители 5-го канала Санкт-Петербурга. Они спрашивали, почему украинская артиллерия стреляет по мирным городам. Мне запретили отрицать этот факт. Поэтому я объяснил, что наша артиллерия стреляет по местам дислокации боевиков. Я не видел этого интервью. О личностях журналистов ничего не могу сообщить». (С-32).

«... Я должна дать интервью. Как они выразились, это мой билет на свободу. Они должны сесть со мной, заучить, что я буду говорить. Они мне это все напишут на листочке. Мы тебе напишем, мы тебе покажем. Ты же понимаешь, как важно, чтобы люди знали правду, какая Украина плохая и какая замечательная Россия, какая замечательная «ДНР»» (С-100).

Для удобства изложения материала описание пыток и жестокого обращения выделено в определенные типы. Сразу отметим, что представители незаконных вооруженных формирований широко практикуют их комбинирование, поэтому само разделение достаточно условно. Для оценки зависимости применяемого обращения от категории заключенных не хватает полноты инфор-

мации. В то же время, уже сейчас можно сказать, что повышение уровня жестокости зависело от присутствия одного или нескольких факторов: наличия политических взглядов по поддержке государственного суверенитета («политические»), наличие статуса добровольца («добровольцы»), принадлежность к определенной военной специальности или к определенным родам войск (снайперы, пулеметчики, артиллеристы), характеристики самого незаконного вооруженного формирования, течения хода вооруженного конфликта (понесенных потерь со стороны «ЛНР» и «ДНР») и др.

Ниже приведены развернутые примеры. Сразу бросается в глаза показательная безнаказанность такого рода жестокого обращения. Несмотря на то что отдельные опрошенные отметили, что некоторые старшие в иерархии запрещали пытать и бить пленных, им не было известно ни об одном случае наказания за такое поведение. Более того, у одного из заключенных сложилось впечатление, что применение к нему пыток было тестом на профпригодность для лиц, которые избивали его перед неизвестными, которые молча наблюдали за процессом.

ИЗБИЕНИЕ:

«Все охранники были пленников часто. В подвале чаще всего били тогда, когда приносили воду и еду. В процессе пребывания в коридоре меня постоянно сильно били, в особенности, если конечности выходили за пределы шкафа, куда я их прятал от побоев» (С-2).

«Однажды в помещение вошел один из боевиков навеселе, который начал обвинять меня в том, что я работаю на СБУ. После моих объяснений, что это не так, он начал бить меня пистолетом по голове, руками и ногами, в результате чего из раны на голове начала течь кровь. Он угрожал меня застрелить, вывел из камеры и начал стрелять у ног, но ни разу не попал» (С-15).

«Минут 20 били. Мешок на голову одели. Парни рассказывали, что этот «Ботаник» вытянул пластину из бронежилета, и хотел ей отрубить мне голову. Но я этого не помню. Я очнулся уже в блиндаже. Это длилось около часа, ствол в рот пихали, били прикладом, «Ботаник» кричал: «Скальп буду снимать!», но его не пустили, я так понял, что он совсем «безбашенный» был, они его сами уже начали оттягивать» (С-56).

ПНЕВМАТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ:

*«Меня истязал террорист «Адреналин». Он стрелял в меня из пневматического пистолета в левую руку, спину и кость правой руки. Пули остались в моем теле. Через некоторое время пули вытащил из моего тела мой товарищ ***, который имел навыки оказания медицинской помощи». (С-48).*

«В процессе содержания в Донецком СБУ меня пытали. Попытки заключались в том, что охранники, которые охраняли нас в здании СБУ в Донецке, неоднократно выводили и издевались. Били дубинкой по спине и ногам, стреляли из травматического оружия по рукам от плеч к пальцам, имитировали расстрел. В результате пыток у меня почернела спина и ноги сверху донизу. У меня были разбиты все пальцы на обеих руках. Я не мог ходить несколько дней» (С-32).

УДУШЕНИЕ:

«N первые дни избивали нормально. Он человек пожилой, два инфаркта было, такой больной. Его не то что до полусмерти избивали, но для пожилого человека сильно, конечно. Его вызывали на допрос, и я думал, что он оттуда не придет. Там такие предпосылки были. Когда он с допроса приходил и у него были шрамы от сигарет (сигареты о него тушили) и противогаз ему одевали, перекрывали воздух и пугали, что долго и нудно будет умирать» (С-49).

«Душили. Делали «слоника» – одевали противогаз и перекрывали кислород, били прикладами автоматов» (С-1).

ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ И ИНЫЕ СРЕДСТВА:

«Давили плоскогубцами пальцы на руках, резали ножом спину. Умышленно проткнули ногу ножом, сильно истек кровью. Также били в разные части тела шокером. На ноге остался шрам, в качестве доказательства есть видео¹⁰» (С-49).

«Среди этих трех, которые были в плену у Женского батальона, двое были кастрированы, по их словам (один из них сейчас живет во Львове). Кастрацию проводили показательную перед другими пленными» (С-19).

«Знаю, что на передовой сильно издевались над N. У него на груди вырезали ножом слово «бандера» и зарезали. Он погиб. Он долго лежал, не в морге, около двух недель. И потом его обменяли как 200-го, «Айдару» отдали» (С-49).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОДЫ, ЭЛЕКТРИКИ В КАЧЕСТВЕ СРЕДСТВА ПЫТКИ:

«Мне поломали ребра, все тело черное. Били во время или между допросами. Руками, ногами, оружием. Пытали – подключали к электричеству. Наручниками к металлической кровати, на руки провода и регулировали ток. В голову, половые органы металлическим прутком. Избивали шомполом. Подвешивали к потолку.

¹⁰ Брошенный своими раненый нацгвардеец. – 18.06.2014 // <https://www.youtube.com/watch?v=y8qeFQvnX0Y>

Обливали холодной водой на морозе. Все, кто сидел со мной в Донецком СБУ – 42 человека, в той или иной степени были избиты и подвержены насилию» (С-46).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ СРЕДСТВ ДЛЯ ПЫТОК:

«Всех били и наносили телесные повреждения. N приехал воевать за сепаратистов, однако ему не поверили и посчитали его «укровским шпионом». N тоже постоянно избивали. Места для двоих было очень мало. По его словам и словам сепаратистов, ему просверлили дрелью анальное отверстие» (С-2).

«Ориентировочно 11 мая в коридор кинули двух братьев из Алчевска – N и T. Им вменяли то, что они проводили фотосъемку секретных объектов. Один из них упал на меня, у меня порвались наручники. N забил палками в ящик, а T все это время наблюдал за происходящим. Далее сепаратисты унесли N для того, чтобы похоронить. Мы поверили. При этом нас вывели из помещения и сказали, что ведут на расстрел. Но расстрела не последовало. Впоследствии, оказалось, что он жив, потому, что он находился в том подвале, куда нас привели» (С-2).

ИНСЦЕНИРОВАНИЕ РАССТРЕЛОВ:

«Он заставил меня сносить батареи и сейф из 2-го этажа до его грузовика. В процессе работы он остановил меня и сказал, что сейчас расстреляет и дал мне минуту на молитвы. После чего он сказал, что пошутил» (С-15).

«К нам применяли имитацию расстрелов. Мы сидели в комнате, и дневальный нам сказал: «На выход!». Выводили во двор и ставили к стенке лицом к автоматчикам. 10-12 автоматчиков в черных балаклавах готовились стрелять. Перед расстрелом, наверное, старшина этого расстрельного батальона зачитывал нам приговор с листочка: «Именем Донецкой народной республики вы приговариваетесь к расстрелу ...» и фамилии. Стреляли АК поверх голов хаотично боевыми, так сыпалась штукатурка, и вылетали гильзы, потом смеялись. Первый раз вывели на расстрел после допроса Захарченко, поэтому было страшно, потому что мы понимали, что никому уже не нужны. В первый день имитаций расстрелов было три, во второй - один под вечер, в третий - утром и вечером, на четвертый день звали, но поняли, что мы уже не боимся, потому отменили» (С-19).

ПЫТКИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ПРИСУТСТВИИ ИЛИ ЗОНЕ ВИДИМОСТИ / СЛЫШИМОСТИ:

«Место содержания находилось рядом с местом пыток - процесс пыток был слышен, и это давило на психику» (С-26).

«Однажды я слышал, что привезли двух военнопленных, бросили их в подвал. Я не знаю, что они там с ними делали, но они там очень сильно кричали. Вечером часов в девять их привезли, и до часов четырех я не мог заснуть от их криков. Так кричали, что волос дыбом становился. Потом слышал, что их достали, притащили ко входу в наш гараж. Слышал, как разговаривали, куда их девать. Сказали, что в расход. Я так понял, что они их тащили, и слышно было, что падают тела. Их забросили в машину и увезли куда-то» (С-49).

«Слышал, как пытали других. Один был прикован наручниками, с завязанными глазами. У меня щелка была приоткрыта, я видел его немного, он был с кастрюлями на голове. По кастрюле били. Он кричал: «Убейте, только не бейте больше»» (С-3).

УГРОЗЫ, УНИЖЕНИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ДАВЛЕНИЕ:

«Развлечением у «Оплота» было, например, гранату к пленным в бокс бросить. Она не взрывалась» (С-37).

«Каждый вечер к нам приходили рядовые военные, там жили на этаже, бросали бутылками, обзывали, угрожали расстрелами, говорили: «Бандера, выходи, стрелять тебя буду!». Это часто могло продолжаться до полуночи и действовало негативно морально. Физически они не могли к нам подойти, потому что сетка разделяла» (С-19).

«Я простоял под взведенным автоматом, ничего делать и передвигаться не позволялось. Запугивали оружием. Вводили автомат и приставляли к виску, в карман засовывали гранату» (С-24).

«Каждый же на пересменке заглядывал и грозился, что зайдет, то ухо отрежет, то еще что-то, угрозы были каждый день. У меня в документах были на две машины техпаспорта, я им техпаспорта предлагал, чтоб забирали и чтоб нас выпустили. Не соглашались. Потом уже подумал: «Что там того уха». Говорил: «Забирайте ухо и машины - и мы пойдем». На меня посмотрели как на дурачка, прикладом ударили и все» (С-3).

«У меня вероисповедание ислам, по этому поводу были дополнительные оскорбления и унижения» (С-46).

ЛИШЕНИЕ СНА:

«В подвале СБУ спать не позволяли вообще, всегда был включен свет. Если человек засыпал, его били палками и электрошокером. В дальнейшем, если задержанный хорошо вел себя, ему позволяли немного поспать» (С-7).

«В подвале СБУ спать не позволяли. В ИВС также не разрешали, били, поднимали, не давали лежать» (С-6).

ЛИШЕНИЕ ПИЩИ И ВОДЫ:

«Среди них был и ..., которого я пыталась как-то чуть-чуть покормить, так как Корниевский запретил ему давать есть. Он хотел, чтоб N умер от голода» (С-83).

«На пятый день меня поместили в кафельную камеру, где не давали неделю воды и две недели еды. После этого периода мне дали хлеб, о который я сломала два зуба, и воняющие брагой макароны» (С-100).

ПЫТКИ КАК НАКАЗАНИЕ, КОЛЛЕКТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ:

«Запрещали шуметь в камере. Однажды, когда в угловой камере начали очень шуметь из-за жары и требовать что-то сделать, охранники зашли туда и произвели автоматную очередь. Сказать, погиб ли кто, не могу» (С-1).

«Однажды я не понравился одному террористу, и меня начали бить больше всех. Также террористы принуждали нас к тяжелым физическим нагрузкам - по 200 раз присесть, по 100 раз отжаться, качать пресс. Заставляли всех и старых и больных, кто не делал - били дубинками, прикладами» (С-32).

«Заходили после отбоя, если было шумно, и били задержанных, применяли электрошокеры. За все время ко мне однажды применили электрошокер, когда кто-то из новых задержанных произвел шум, зашли охранники и меня ударили электрошокером, хотя я спокойно лежал на столе, притворившись спящим» (С-33).

ЗАВЯЗЫВАНИЯ ГЛАЗ, ПРИКОВЫВАНИЕ, ДРУГИЕ СПОСОБЫ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ:

«В помещении, где я содержался, было 4 человека «пленных», в гражданском, прикованные наручниками друг к другу и к металлической цепи. Сколько они там пробыли и относительно причин их задержания мы не общались» (С-20).

«Глаза и руки были завязаны все время (в течение месяца), даже ели мы с завязанными руками и глазами» (С-7).

«Я был прикован, поэтому перемещаться по помещению возможности не было» (С-3).

«Также с нами в камере сидели ребята, которые попали в плен к чеченцам в Степановке, их два дня стоя держали в яме и время от времени бросали сверху камни, от чего ребята получали повреждения: разбиты головы, брови» (С-31).

«Те, что сидели у чеченцев, рассказывали, что их держали в комнате, где они все время находились в полусогнутом состоянии» (С-19).

ВНЕСУДЕБНЫЕ РАССТРЕЛЫ, УБИЙСТВА:

«Ребята потом рассказывали, когда я был в плену, прошел где-то месяц, там везде караулили, но люди есть люди, стали понемногу общаться, когда начальство не видит, рассказывали, что был такой «Ботаник», прозвище рассказывали, что он убил нашего «свободовца», он отсидел 7 лет в тюрьме, сам из Запорожья, и когда начинались там движения, подымался Майдан, он хвастался, что зарезал нашего человека из «Свободы», по-моему, фамилия Черняхивский» (С-56).

«Бойцы «Донбасса» N и T рассказывали мне, что сразу после сдачи в плен террористы заставили бойца «Донбасса», родом из Донбасса выкопать себе могилу у дороги, а затем расстреляли его. Кто этот боец, и кто его расстреливал, я не знаю. Охранники говорили, что начальник охраны Донецкого СБУ «Адреналин» замучил бойца ВСУ, и этот боец умер в больнице» (С-32).

«Около 20 августа 2014 года я слышал крики из соседней камеры. Потом я узнал, что человека пытали до смерти. Я вообще ничего не знаю об умершем, также я не знаю, кто его пытал. Утром труп завернули в одеяло. От своего сокамерника *** я узнал, что потом труп похоронили на городской свалке в районе города Александровска, где именно - не знаю. Он (священник) ездил хоронить замученного человека» (С-55).

«Однако был случай, который отличался - якобы за мародерство был пойман местный житель и прикован наручниками к кузову автомобиля УАЗ, который был во дворе «Полиции Снежного», где содержались пленные. Он находился на солнце в течение 5 дней без еды и воды, после чего один из охранников дал ему краюху хлеба и воды, и он вскоре умер якобы от «заворота кишок» на глазах у пленных, в тот день остались в боксах. Я видел его только издали» (С-37).

ПАРАДЫ ВОЕННОПЛЕННЫХ¹¹:

Так называемые «парады военнопленных» являются не чем иным, как формой пытки и жестокого обращения над военнопленными с целью причинения им физической боли и моральных страданий. Особенностью такой формы обращения с захваченными в плен является ее зрелищность и ориентация на СМИ и публику с целью дополнительного унижения чести и достоинства людей, превращение попавших в плен в безоружную мишень для экзекуций со стороны агрессивных представителей гражданского населения, которым пленных представляют как тех, кто убивает мирных жителей. Представители незаконных вооруженных формирований снимают на фото и видео сам процесс прохода военнопленных и выкладывают его на многочисленных видеоплощадках. В то же время за кадрами этих видео

11. PHOENIX NEWS Новости/Происшествия. Пленные украинской армии стоят перед жителями обстрелянного города Снежное. - 29.08.14.// <https://www.youtube.com/watch?v=aB1fyhrjENU>

остаются избиения и истязания, которые происходят на такого рода мероприятиях и о которых рассказывают освобожденные пленные.

«Но когда нас привезли в здание областного СБУ в Донецке, на месте нас ждали российские СМИ LifeNews (я не видел этого репортажа) и толпа разъяренных людей, которые начали бить, кричать. Когда нас заводили в подвал, тоже сильно били руками, ногами по всему телу. Кто именно нас бил в тот момент, я не помню. В течение первой ночи нас постоянно выводили по одному или по несколько человек и били, угрожали расстрелом. Кто именно это делал, не помню» (С-32).

«Нас подняли в 4:00 утра, примерно час-полтора мы постояли во дворе, потом нас погрузили в автобус и привезли, как мне кажется, в помещение облгосадминистрации. Там мы пробыли несколько часов и примерно в 12-13 часов дня нас, 53 человек, построили по три в колонну и повели по городу. Привели к месту, где собралась огромная толпа, примерно 3 тыс. человек, которые кричали, бросали бутылки, яйца, муку, помидоры. Хотя мы шли в «коробке», нас по сторонам вели, но люди все равно прорывались. Н получил удар кастетом в область грудной клетки, позже он мочился кровью. Мне в ногу попала бутылка. Было страшно, казалось, что люди готовы нас разодрать. В это время к нам стали подходить сепаратисты и агрессивно спрашивать кто мы, откуда, обвинять нас в обстрелах, бить, плевать, снимать на телефоны. У меня шла кровь из уха, были разбиты губы, синяки. Другим ребятам ломали ребра..., а Т сломали вторую челюсть. Каждый из нас по несколько раз от ударов бился о стену головой. Узнав, что я снайпер, меня начали бить еще жестче, хотели вырезать глаз, приставили нож к зрачку. И они бы это сделали, но их сдержал человек, который вышел из штаба и отогнал их, сказав, что мы им нужны живые и здоровые. В конце нам связали руки, забрали шнуровки. После этого мне попали ногой в копчик. Я не видел случаев казней, но слышал, что перед «парадом» военнопленных одному отрубили голову, ничего больше об этом случае сообщить не могу» (С-74).

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ:

«Через какое-то время ко мне в камеру пришли, сказали, что повезут на расстрел. Меня куда-то по-тащили. Как оказалось, нас с N вывозили на продажу. N сказал, что, скорее всего, в Ростовскую область. Нас очень долго везли – часов 6. Мы переезжали границу. Меня и N везли в какой-то высокой машине с завязанными руками, ногами. Глаза тоже были завязаны. Нас везли в кузове и с нами были два чеченца и еще кто-то третий. Они нас конвоировали. Чеченцы постоянно говорили, что «хоть она и наша (мусульманка)..., но её однозначно надо убивать». Я думала, нас везут убивать, но нас хотели продать в рабство. Однако сделка сорвалась по непонятной причине» (С-83).

ДОПРОС

Задержанные гражданские лица и военнопленные во время содержания проходили через процедуру, которую весьма условно можно назвать «допросами». Продолжительность и частота допросов отличаются. Сами допросы могли происходить с перерывами. Как правило, этот процесс сопровождался избиением, пытками и психологическим давлением. Использовались разнообразные методы: избиения, применение электрошокеров, удушение («слоник» – одевание противогаса и перекрывания кислорода), простреливание конечностей и частей тела, нанесения колющих и режущих ран, имитация расстрела, угрозы пытками, угрозы нанести вред родным и детям и тому подобное.

В ряде случаев допрос проводился только с целью пытки человека, при этом не было никакого намерения получить от него какой-либо информации. Так, отдельные опрашиваемые отмечали, что им ставили общеизвестные вопросы или требовали наговаривать на себя очевидные глупости.

Зафиксированы случаи завязывания глаз, надевания балаклавы и заклеивания глаз скотчем во время допросов и избиений. По меньшей мере, один респондент отмечает, что от ленты, которой были завязаны глаза, остались раны.

Ниже приведены несколько примеров ответов респондентов касательно проведения «допросов»:

«Допрос проводился в достаточно жесткой манере. То, что били – это понятно. И спину резали ножами, шокер достали, стреляли. Я терял сознание, меня приводили в сознание, опять очнусь, потерю. Помню такие яркие моменты. Очень сильно морально давили. Каждый прибегал и предлагал какие-то действия – давай то сделаем, убежал, прибежал другой – давай то сделаем. Некоторое из озвученного исполнялось. Потом один говорит, давайте мы его кастрируем, начали снимать штаны с меня. Потом передумали. Потом один говорит, давайте ему ногу отрежьте, во-гнули нож в ногу, и я потерял сознание, и много крови вышло» (С-49).

«Били во время или между допросами. Руками, ногами, оружием. Пытали – подключали к электричеству. Наручниками к металлической кровати, на руки провода и регулировали ток. В голову, половые органы металлическим прутом. Избивали шомполом. Подвешивали к потолку. Обливали холодной водой на морозе. Все, кто сидел со мной в Донецком СБУ – 42 человека, в той или иной степени были избиты и подвержены насилию» (С-46).

«В начале первого допроса запугивали меня, рассказывали, как из девушек, которых я видел в подвальном помещении (специально мне их показали) снимут кожу. Угрожали изувечить меня и мою семью. Когда

меня допрашивали, то избивали: кулаками, локтем по голове, по хребту, по печени; также били ногами, прижигали сигаретами. Били как во время допросов, так и в камере. Много раз забегали с автоматами и имитировали расстрел, ставили к стенке в качестве устрашения» (С-1).

«Меня привели в комнату журналиста. Я помню, что комната вся была в засохшей крови - потолок и стены. Меня били четвером. По всем частям тела. Особенно ногами в грудь. Рыжий находился в состоянии алкогольного опьянения. Он снял берцы и начал бить меня пяткой в левый висок. Я помню, что меня били около 15 минут, затем потерял сознание. Я очнулся в другой комнате. Это был бывший холодильник. Потолок из плитки. Я лежал на голом полу. Пришел фельдшер. Фельдшер срезал резиновые завязки, которые стягивали мои руки. Время от времени холодильник открывался. Заходили какие-то люди, кто именно - не знаю, и пинали меня ногами - проверяли, жив ли я. Меня не кормили, воды не давали, в туалет не выводили. Холодильник был герметичным. Воздуха хватало на несколько часов. Света не было вообще. Выяснилось, что у меня переломаны 2 ребра с правой стороны, сильные ушибы мягких тканей головы с левой стороны, у меня опухли правая нога в районе голеностопного сустава. Так я пролежал 3 дня» (С-55).

Были случаи, когда забивали насмерть во время допросов, о чем свидетельствуют задержанные люди.

«В интернете опубликовал, что в Стаханове задержали проукраинских активистов, после этого стало только хуже. Начались более жесткие побои. Больше всего доставалось «политическим» (людям, которые проявляли симпатии к государственному суверенитету Украины) и футбольному болельщику «Зари». Одному разбили голову, а еще одного - Александра - убили во время допроса, так как якобы нашли у него дома во время обыска «флешку» с координатами позиций боевиков. Его забили до смерти во время допроса. Как конкретно, я не знаю. Есть люди, которые тоже знают об этом случае, но без их согласия я их называть не буду». (С-26).

«При мне в Луганске в соседнем помещении застрелили человека. Кого, не знаю. Я только слышал процесс расстрела. Расстреливали людей на базе «Оплот» на Полиграфической. Кого - не знаю» (С-46).

Информация, которую спрашивали, зависела от статуса заключенного и причин его попадания в места заключения, на практике это активная общественная деятельность, ведение местного бизнеса, нарушение комендантского часа, служба в Вооруженных силах Украины и др. Военнослужащих часто спрашивали об их личности, откуда они, из какой части, информацию о руководящем составе и вооружении добровольческих батальонов и Вооруженных сил Украины. Поведение на допросе отличалось в зависимости от рода войск. Хуже было отношение к участникам добровольческих ба-

тальйонов, к снайперам, артиллеристам. Пытались завербовать, используя различные методы.

«Я переписывался в «Контакте» с российским журналистом с радио «Ностальжи». Пытался доказать ему, что окрестности станции Луганской обстреливают с территории России. Поэтому помечал на гугл карте места, откуда стреляют российские «Грады». Сделал скрин-шот и сохранил на рабочем столе. Боевики нашли этот файл и начали спрашивать, зачем мне эта карта, обвинили меня в том, что я наводчик. Спрашивали, какую информацию и кому я передавал, какое отношение я имею к третьей силе. Я объяснил ситуацию, но они мне, конечно, не поверили. И продолжали пытаться» (С-55).

«Задал вопрос - почему в такое тяжелое для Алчевска время пью пиво по ночам, а не защищаю свою Родину, в то время как они должны рисковать своей жизнью для того, чтобы мне хорошо жилось. Я ему ответил, что не понимаю, от кого защищать свою Родину, что вызвало злость. «Ах, не понимаешь, тогда мы тебе завтра объясним»» (С-30).

«Прежде всего спрашивали, откуда связи с вражеской прессой. Кто навел, кто дал контакт. Личные данные. Первый допрос был до встречи с О. Мозговым. Как я понял, кто-то из жителей донес на меня, что я дал интервью «112» каналу. У удерживающих меня лиц сначала не было видеозаписи интервью, они его сами не видели. Во время допроса искали мое интервью в интернете. Они его нашли и отнесли показать Мозговому. Потом было общение с Мозговым. Он спрашивал: «Как ты мог поступить? Мы же за вас тут воюем. Я за это видео готов был тебя «разорвать» и т.д. Сказал, чтобы меня вывели из кабинета, и он решит, что со мной делать»» (С-10).

«Спрашивали, почему отказываюсь сотрудничать с новой властью, почему не воюю за «ЛНР», обвиняли в саботаже, угрожали расстрелом за укрывательство имущества, необходимого армии «ЛНР», нарушении мне неизвестных «законов военного времени». Во время допроса запугивали, что расстреляют по законам военного времени, заберут все имущество, дети останутся без отца и т.д. «Законы военного времени», на которые ссылались боевики, мне неизвестны, с их положениями я ознакомлен не был, кто и когда их принял - не знаю, но почему-то подразумевалось, что я их обязан знать» (С-38).

«У меня неоднократно спрашивали адрес прописки, спрашивали, на сигнализации ли дом, кто живет в доме, что я делал на Майдане, кто отправлял меня туда, просили контакты людей, которые были на Майдане. Когда я признался, что состою в «Батькивщине», спрашивали, кто руководил «Батькивщиной» в целом, кто руководил избирательными штабами. Много спрашивали о семье, из-за чего я очень переживал, так как жена занимала активную проукраинскую позицию» (С-21).

Обычной практикой было требование открыть доступ к социальным сетям и электронной почте человека. Зафиксированы случаи, когда из взломанных социальных сетей и электронной почты от имени пленного назначались встречи, требовалась определенная информация и тому подобное. Очень часто на допросе звучали обвинения в причастности к националистам, бандеровцам, Правому сектору, разведчикам или корректировщикам огня, саботажу, в отказе присоединиться к незаконным вооруженным формированиям, искусственное создание продуктового дефицита в городе для дискредитации батальона «Призрак» и т.п. Гражданских лиц, занимавшихся общественной деятельностью, расспрашивали об организации мирных акций за единство Украины и об их участниках, о печати и способах распространения листовок, о связях с другими активистами, учеными, журналистами. Узнавали информацию о расположении украинских блок-постов и их вооружении. Отдельно интересовали вопросы денег и имущества задержанного (банковских документов, денежных переводов, о платежных карточках, контактах родственников, которые могли заплатить выкуп).

Зафиксирован случай допроса женщины вместе с ее 6-летним ребенком, которых продержали в плену несколько дней: «Сразу попросил телефон, начал смотреть контакты, фотографии. Спросил мои данные, адрес. Что-то записывал на листе бумаги. Затем спрашивал о моем муже, правда, что он пошел воевать в рядах ВСУ; по его словам, так сообщили соседи. На что я ответила, что он уехал к родственникам искать работу. Не верил, уточнял, куда. Я сказала, что в Украину. Он занервничал, начал на повышенных тонах рассказывать, что мы все предатели родной земли. «Мы, - говорит, - кровь за них проливаем, а они к фашистам бегут». Потом «казак» сказал, что они проверят информацию по моему мужу и потом решат, что будут с нами делать» (С-60).

Практика фиксирования результатов допроса довольно разная. Часто допросы не фиксировались вообще. В отдельных случаях протоколы писали не на бланках. В то же время допрашиваемый не имел возможности ознакомиться с его содержанием. Некоторых людей заставляли писать автобиографию (по несколько раз), заполнять анкеты с вопросами типа: «Вы против фашизма?» или «Если после освобождения к вам в родной город придут ополченцы, вы им поможете в том, в чем они нуждаются?» Только один военнослужащий отметил, что заполнял анкету военнопленного. Один респондент отметил, что по результатам его допроса был составлен рапорт на вышестоящего. Несколько респондентов отметили, что подписывали протокол.

Отдельные респонденты отмечали фиксирования допроса и избивания на видео, мобильные телефоны, один вспомнил об установленной в комнате видеокамере. Как правило, судьба таких записей неизвестна.

«Допрашивали несколько раз во время задержания, удерживания и конвоирования до места posto-

янного содержания, а также непосредственно на этом объекте, где я сидел в гараже и подвале. Во время допросов постоянно избивали, и я то падал в обморок, то приходил себя. Во время допросов спрашивали об общеизвестных фактах (где стоит «Айдар», и другое). Мне показалось, что они сами не знали, о чем спрашивать. Снимали на видео, но я не помню, сколько именно времени и что именно снимали. Фрагменты этой съемки выложили в интернет, а также транслировали на российских каналах¹² (С-49).

Допросы проводили члены незаконных вооруженных формирований (идентифицированы по нашивкам и камуфляжной форме), военные неизвестных вооруженных сил, неизвестные люди в штатском. Некоторые из них представлялись, например, контрразведка «ЛНР». Отдельных людей, которые проводили допросы, можно было узнать, с учетом появления о них информации в прессе, например, о Захарченко, Топазе и тому подобных. Среди лиц, которые проводили допросы, отдельно следует отличать тех, которых сами респонденты называли военнослужащими Вооруженных сил Российской Федерации. По словам респондентов, они либо представлялись (например, офицер ФСБ России) или их можно было идентифицировать по наличию шевронов Вооруженных сил Российской Федерации, по их разговорам (они называли город проживания в России), принадлежностью к определенному народу (чеченцы) и др.

Отдельных лиц, которые проводили допросы, с высокой долей вероятности можно признать бывшими работниками государственных правоохранительных органов на местах, в частности, милиции, СБУ, прокуратуры. Были случаи, когда потерпевшие узнавали их, учитывая свой предыдущий опыт контактов с ними.

Стоит обратить внимание на допросы и пытки задержанных на территории Украины людей, которые проводились на территории Российской Федерации. Принимая во внимание незначительное количество анкет, нельзя сделать объективный вывод о том, что такая практика распространена. В то же время, эти зафиксированные случаи свидетельствуют о прямой связи незаконных вооруженных формирований, так называемых «ЛНР» и «ДНР», с государственными органами Российской Федерации (С-2).

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

В неофициальных местах несвободы «ЛНР» и «ДНР» практикуется применение принудительных работ, что отмечали как лишенные свободы гражданские

12. «Ополченцы» взяли в плен 8 бойцов батальона «Айдар». – 19.06.2014. // <http://rutube.ru/video/da917c01602eade6f5883508fc667590/>

Батальон Айдар разгромлен! Ополченцы взяли в плен восьмерых. 19.06.2014. // <https://www.youtube.com/watch?v=IRwoL9BGeSE>

лица, так и военные. Только ряд опрошенных отметили, что их не заставляли выполнять принудительные работы, но и они, как правило, выходили на такие работы, потому что зачастую это была единственная возможность найти еду, облегчить свое пребывание в заключении и тому подобное.

Работа заключенных была различной. Они рыли окопы, восстанавливали дома, убрали улицы, переносили грузы, разгружали так называемые «русские гумконвои», в которых перевозилось оружие. Ряд заключенных отмечал, что они выполняли тяжелые физические работы. Был зафиксирован случай принудительного привлечения к разминированию неподготовленных для этой работы людей. Также узников заставляли проводить эксгумации, раскапывать и хоронить погибших. Стоит отметить, что такая работа приносила моральные страдания и негативно влияла на физическое состояние.

«Обычно это были тяжелые физические работы: строительные (ремонт домов местного населения и магазина), сбор металлолома в пользу одного из охранников и сдачи его в пункт сдачи. В воскресенье обычно пленным заставляли разгружать «гуманитарный груз» из белых грузовиков - снаряды для систем «Град» - в день могли разгрузить 10-15 тонн «гуманитарки» - снарядов (ИВС г. Снежное)» (С-37).

«Нас выводили на работу. В здании ОГА (в разных кабинетах, каких именно - не помню) мы грузили в пакеты документы, как я понимаю, касающиеся Партии регионов, затем выносили их во двор. Во дворе их сжигали. За каждый день я выносил около 100 мешков. Во дворе ОГА разгружали ящики с оружием и патронами (что именно там было, я не знаю), но ящики были очень тяжелыми. Нас выводили в отель «Империал» (адрес не знаю), находится в районе Острой Могилы. Мы грузили в отеле мебель и технику в будку. Эти вещи везли в ОГА, там мы их разгружали и устанавливали в кабинетах. Так боевики устраивали себе рабочие места. Думаю, что это было во второй половине августа 2014 года» (С-55).

«Регулярно вывозили на общественные работы в г. Иловайск (уборка мусора, рытье могил на территории кладбища г. Иловайск для погибших сепаратистов, строительные работы), также были хозяйственные работы по заявкам жителей Иловайск (они нас за работу обязывались кормить). Заявку коменданту Иловайск имели право подать жители города с указанием работы и требуемого количества людей. Под конвоем нас туда направляли» (С-40).

«Нас возили в Дебальцево собирать боекомплект. Это было 9-11 марта. Я видел блок-посты, собирали снаряды, мины, патроны. Поехали на остановку. Там лежало 27 ящиков танковых снарядов (54 шт). Поо-

ставляли наши при отступлении много бк, техники. Я видел землеройную машину, которую гнали ополченцы, оставленный БТР. Нас также возили в Донецкий аэропорт по 20 человек. Мы доставали тела погибших киборгов из-под завалов. При мне было найдено одно тело и несколько фрагментов. Я читал молитвы над этим местом. Совершил панихиду, прочитал заупокойную молитву» (С-67).

Частота и количество часов, отведенных на принудительные работы, зависела в основном от места содержания. Отношение к пленным зависело в значительной мере от охранников. В показаниях освобожденных людей немало упоминаний об избиении и жестоком обращении во время выполнения работ.

«За работающими пленными всегда следили, но плотность контроля зависела от личности охранника - сначала за всем следили очень тщательно, а потом, когда поняли, что пленные не совершают попыток к бегству - ослабили контроль, выражалось это в том, что охранник не всегда держал палец на курке, направляя оружие на работающих, а мог отойти на несколько метров и отдохнуть, наблюдая за пленными. Причина того, что пленные не пытались убежать, заключалась в том, что им было сообщено, что за каждого 1 беглеца будут расстреляны 10 пленным. Подобные случаи были в соседнем Торезе, поэтому они не могли взять на себя такую ответственность за жизнь товарищей» (С-37).

«Стреляли под ноги, били по спине, по голове, морально унижали, часто без всякой причины» (С-5).

«Нас охраняло 3-4 человека с автоматами РПК, СКС и АК-47, парни по 15 лет. Был один жестокий, который бил прикладом каждый раз, когда мы во время работы останавливались отдохнуть на пару минут. У него отобрали приклад и дали дубинку. С другими - ничего, устал - сел, куришь» (С-98).

«Несколько раз была работа на границе с Россией, в Марьинке, она была похожа на «показуху», поскольку большое количество пленным выполняло бессмысленные задачи вроде носить кирпичи на расстояние 10-20 метров, но таким образом, чтобы военные и гражданские лица, заезжая со стороны России на украинскую территорию, могли видеть унижение пленным и их боевой дух поднимался» (С-37).

«Работу осложняло то, что на каждой остановке городского транспорта на столбах были ретрансляторы, которые все время по кругу громко транслировали советские патриотические песни, а по субботам - детские песни. Все это влияло негативно на психику, создавалось впечатление, что мы заблудились и находимся в СССР» (С-37).

Выводы

Учитывая признание Украиной юрисдикции Международного уголовного суда в отношении потенциальных военных преступлений и преступлений против человечности, совершенных на территории Украины с 20 февраля 2014 года, международные правозащитные институты могут использовать результаты отчёта, связанные со следующими зафиксированными нарушениями международного гуманитарного права:

- применение неоправданной силы при задержании гражданских лиц;
- чрезмерное применение силы и чрезмерная жестокость в отношении отдельных категорий задержанных лиц;
- применение оружия как орудия для нанесения ударов при задержании гражданских лиц;
- применение мешка на голову при задержании гражданских лиц, пластиковых хомутов, проволоки, ремней и скотча для фиксации при задержании военнослужащих ВСУ и бойцов добровольческих батальонов;
- чрезмерная сила и жестокость при конвоировании;
- несоблюдение каких-либо процессуальных гарантий, предусмотренных национальным законодательством и нормами международного права;
- непредоставление необходимой медицинской помощи;
- пытки медицинскими работниками;
- пытки и безнаказанное бесосновательное убийство людей;
- отсутствие дневного освещения в местах несвободы;
- неработающие туалеты в местах несвободы, большое количество удерживаемых лиц в небольшом помещении;
- отсутствие мест для сна (места для сна были на бетоне, на досках и т.д.);
- дырявые стены и крыши в местах несвободы, что вызывало затопление помещения во время дождя;
- совместное содержание в одном помещении мужчин и женщин;
- отсутствие или недостаточное количество воды и пищи;
- распространенная практика пыток и жестокого обращения с задержанными гражданскими лицами и военнослужащими.

В подготовке отчета принимали участие организации и инициативы - члены Коалиции «Справедливость ради мира на Донбассе»:

- Алчевский правозащитный аналитический центр
- Восточноукраинский центр общественных инициатив
- Гражданское движение «Очищение»
- Донецкий «Мемориал»
- Луганский областной правозащитный центр «Альтернатива»
- Общественная организация «Мирный берег»
- Общественный комитет защиты конституционных прав и свобод граждан
- Правозащитный центр «Поступ» / Восток SOS
- Старобельская общественная организация «Воля»
- Старобельская районная общественная правозащитная женская организация «Виктория»
- Украинский Хельсинский союз по правам человека
- Харьковская правозащитная группа
- Центр гражданских свобод / Евромайдан SOS
- Центр «Социальное действие»
- Эколого-культурный центр «Бахмат»